

Воючки

— Не могу не спросить... А вот вам как редактору не было совестно, когда в этой самой республике происходили зачистки, пока она еще не была такой закрытой, — ну что вам говорить, все сами помните, человек взрослый? — когда она только-только укреплялась в этом своем статусе, нынешнем... и укреплялась благодаря потрясениям, столкновениям, человеческим жизням, наконец. И главное — подавлению любого мало-мальского свободомыслия...

Митя Туркин смотрел впереди себя отстраненно: вроде как и на собеседника, в то же время — мимо него. Он хотел перевести взгляд в окно поезда, зацепиться им за что-нибудь интересное, но там лишь пролетали знакомые каждому, кто хотя бы раз садился в поезд, провода, столбы, деревья, низкий покосившийся забор... Темнело — скоро рассматривать будет совсем нечего, придется слушать эти тоскливые «профессиональные» разговоры и, что самое невосможно отвратительное, вступать в них. И дернул же черт его, главного редактора, отправиться в пресс-тур самостоятельно, не послать своего зама, например... Впрочем, кого он пытается обмануть? Доверил бы он кому-нибудь решение того единственного вопроса, который его во всей этой поездке интересовал...

Он зевнул.

— Вы говорите, как агитку пишете, — наконец произнес Туркин. — Наверное, ваша речь будет долгой и окончится словами «время покажет», я прав?

— Я говорю что хочу, — наседа человек напротив, захлебываясь от невозможности вывалить мысль-обвинение полностью, сразу же, как ударить кулаком по столу, отделявшему его от оппонента. Но нет, мысль нужно проговаривать, обвинение формулировать, а хотелось как можно скорее: ведь и так все понятно, оба знают, о чем речь. Слова накатывались друг на друга, особо настырные обгоняли своих медлительных коллег, искажая смысл предложения. Человек поправлялся и снова продолжал, заметно нервничая: — Так вот вы, Туркин, писали в те дни о чем угодно, только не о событиях в республике... Ограничивались новостями парой, новостешек... Вам не кажется, что вы своим молчанием, абсолютно своим беспочвенным игнорированием темы приложили руку к тому, что мы видим сейчас, спустя годы.

— А что мы видим? — с безразличием в голосе сказал Туркин.

— Мы ничего не видим! Там все закрыто теперь! И это в нашей стране! — собеседник вскинул руки и больно ударился об угол стола. Теперь он тряс рукой и ругался.

— Вот вы затем и едете, чтобы увидеть, — монотонно произнес Туркин, не обращая внимания на мелкое происшествие. Собеседник, кривясь от боли, полез в карман пиджака, вытащил маленькую прямоугольную карточку и положил на стол, придвинув к Туркину. Тот не шелохнулся.

— Вот, читайте, — победоносно заявил собеседник. — Журналист Старшов. Мое удостоверение. Полжизни в горячих точках! Из них несколько лет — в той самой республике, куда мы сейчас направляемся! Мне сорок лет, посмотри, уже голова седеющая. Ничего не нажил, ничего не заработал, кроме славы честного и независимого репортера.

— Я про вас слышал, — холодно ответил Туркин, поглядывая на дверь: из соседнего купе обещали подойти коллеги. Всего в пресс-тур отправилось шесть человек, и угораздил же черт разместиться в одном купе с этим неугомонным Старшовым. Алкоголик-фрилансер угостил того коньяком, и пошло... Теперь же фрилансер храпит на своей верхней полке, с недопитой бутылкой в обнимку, а ему, Туркину, выслушивать! Впрочем, не лучшей и другая соседка, совсем молодая девочка: ловит каждое слово Старшова, а как смотрит на него... Воздыхательница? Нет, просто студентка, влюбленная в журналистику. Мечтает стать такой же, как сам Старшов. А таким, как он, Туркин, конечно, никто не мечтает стать. И даже сам он — не мечтал когда-то.

Но студентка-то хоть отвлечет этого неугомонного типа, при ней он ведет себя вовсе не так... Он молчалив, суров, держит марку... И вот прорвало, на тебе!

— Вы про меня слышали? — ухмыльнулся Старшов. — И я про вас слышал, представляете! Все слышали про Митю Туркина как беспринципного редактора беспринципного и пустого как бы СМИ! Который сидит на тепленьком местечке, проедая деньги ничего не понимающих спонсоров и партнеров, — на этом слове он презрительно скривился. — А попутно плодит серость и бездарность, которая в нормальном издании и дня не проработает...

Туркин подумал, как бы ответить на эти нападки: не чтобы оскорбить собеседника, унижить — на Старшова ему было плевать, — нет... Но просто же ответить что-то надо! Не сидеть же молча.

— А вы своими материалами из горячих точек плодите количество этих горячих точек. У вас же не статьи, а призывы! Что лучше: плодить серость или разрушения и войну?

— Вы это серьезно? — недоуменно произнес Старшов после некоторого молчания. — Ну вы и дурак, я скажу вам. Хотя и главный редактор.

— Давайте оставаться в рамках приличия, — пожал плечами Туркин и уткнулся в айфон. Он листал какие-то страницы, но ни во что не вчитывался, просто изображал заинтересованность, водил по экрану пальцем. Старшов всматривался в него, пытаясь понять, задел ли своим высказыванием, потом плюнул и демонстративно усталился в окно на пролетающие столбы.

— Таких, как вы, ничего не исправит, — заключил Старшов, но оппонент даже не удостоил его взглядом. Туркину было некомфортно оттого, что из-за этого неприятного разговора в купе воцарилась напряженная атмосфера. Содержательная же часть претензий не вызывала в нем никаких эмоций, даже раздражения. Туркин давно признавал, что он — нетипичный редактор. Превыше всего в работе он любил тишину и спокойствие, а еще деньги. Когда-то давно, начиная свой путь в профессии, он подавал надежды, даже написал несколько скандальных, резонансных материалов, подписав их просто: Митя Туркин. И понеслось... Довольно быстро Митя взлетел: поработав редактором, стал помощником главного, первым замом, а потом... Потом подселел главного, вышел на спонсоров, пообещал сделать все по-другому, разогнал строптивых сотрудников и набрал себе «болото». Все это делал целенаправленно, потому что... не любил журналистику и презирал журналистов. А что? В любой профессии находится кто-то, кто ненавидит ее всей душой, и ничего — добивается многого. Сначала он признавался в своей тайне как бы в шутку, на пьяных посиделках, затем стал в открытую. Журналисты казались ему, тридцатисемилетнему Мите, малоприятными людьми, но, поскольку возможность жить спокойно и относительно благополучно зависела от того, что они, журналисты, есть и работают (а точнее, изображают работу) под его началом, он примирился с необходимостью ежедневного общения.

Но куда выше всех других благ Туркин ставил возможность размещать проплаченные тексты: казалось бы, какая ерунда — нажать на пару кнопок: скопировать, вставить, опубликовать, а на счет капают денежки, которые таким вот Старшовым и за месяц не светили, и за серию статей — из всех их точек: и горячих, и холодных — да не один ли хрен?

Работа с заказчиками была отлаженной и четкой — и в последнюю пару лет оставалась единственным фактором, который удерживал Туркина в порядке надоевшем кресле главреда. Но вот буквально на днях один заказчик, представитель крупной госкомпании, предложил ему «теплое место». Должность, конечно, не ахти, размышлял Туркин, но делать вообще ничего не надо. Даже публиковать заказные тексты, то есть вообще ничего! А это Туркина устраивало, потому что ничего делать он и не хотел. И в глубине души очень надеялся, что этот пресс-тур станет «финальным аккордом», прощанием с ненавистной профессией, но перед этим еще можно было срубить бабла. Он

покосился на Старшова: нет, не зря, мол, ты говоришь, что из республики так мало информации... Вот только твоя информация нам на хрен нужна, ведь кто за нее заплатит? И сколько? Да гроша она ломаного не стоит, ухмыльнулся Туркин про себя. Настроение постепенно улучшалось.

— А я нам чаю заказала, — дверь открылась, и в купе вошла девушка с тремя стаканами в железных подстаканниках. Смешно балансируя, чтобы ни в коем случае не расплескать ни капли чая, она добралась до стола, поставила стаканы и выдохнула:

— Уфф!

Выдохнул и Туркин: вот теперь пусть занимаются друг другом и оставят его, уставшего, наконец в покое. Девушка была худенькой и светловолосой, с большими синими глазами. Она излучала радостное возбуждение — от первой серьезной поездки, от ответственности, от компании «больших и серьезных людей». Про Туркина она мало чего знала, но была с ним почтительна и даже, пока Старшов выходил, тихо обратилась с просьбой пройти практику. Туркин, не видя коммерческой выгоды в предложении, отмахнулся:

— Там, на сайте, почта есть... Напишите.

Старшов же интересовал девушку куда больше — как живая легенда, человек-опыт, человек-профессия. Его работы разбирали в университете, о них спорили. Она придвинула стакан с дымящимся чаем ближе к человеку-легенде, не зная, как начать разговор.

— Я кофе пью, — буркнул Старшов.

— Ну да... — протянула девушка разочарованно и в то же время восхищенно. — Настоящие журналисты же кофе пьют, не спят потому что. И вдохновение нужно!

— Марин, — усмехнулся Старшов, — вы начитались этих... пабликов своих. В кофе нет никакой магии. А в журналистике — вдохновения.

— Но как же? — развела руками девушка.

— Кто ждет вдохновения, ничего в нашей профессии не добьется. Разве что колонки какие-нибудь вшивые вести...

— Разве колонки — плохо?

— Нет, — махнул рукой Старшов. — Ничего не плохо. Все хорошо, Марин... Все хорошо.

Девушка отхлебнула чаю.

— Почему вы такой неразговорчивый? Загадочный такой?

— Да я обычный. Повидал просто много.

— А правда, что вы и в Воючках были? — глаза девушки вновь загорелись, она жадно смотрела на Старшова, но тот только вздохнул.

— Через час и вы, Марина, будете. Так что какая разница...

— Как может журналист говорить: «Какая разница?» — девушка аж поперхнулась чаем, и Туркин, оторвав взгляд от айфона, усмехнулся.

— Сейчас вся журналистика стоит на этом, — спокойно сказал Старшов, покосившись на безразличного Туркина. — Я работал в другую эпоху. Раньше под пули ложились за идею, за информацию... А теперь в корпоративках по 150 тысяч получают и в ус не дуют. «Поздравляем вас с пятилетием работы в нашей канцелярской фирме!» Тьфу ты... Современная журналистика — это копировать-вставить. Ну, в лучшем случае переписать.

— Ну а в республику? — нетерпеливо прервала Марина. — В республику-то вы ведь ездили?

— Ездил, — кивнул Старшов, — но вам ничего не скажу.

— Вы мне не доверяете? — прищурилась девушка.

— Тяжело слишком, Марин... Тяжело.

— Да заткнитесь вы на хрен, дайте поспать, ушлепки, — раздалось с верхней полки сонное бормотание, и тут же на стол, чудом не разбившись, упала бутылка с коньяком. Произошедшее настолько диссонировало с реальностью, что на какое-то время все в купе, даже Туркин, замерли.

Наконец Старшов выразительно посмотрел на Марину и поднял палец:

— Вот она — современная журналистика.

Девушка поморщилась, а пьяный фрилансер на верхней полке зашевелился, пытаясь встать, но у него ничего не получилось.

— Скучные, продажные писаки... — ругался он. — С вами даже бухать не о чем.

— Креативный класс, — вставил Старшов, и все посмотрели на него. Старшов не любил креативный класс, но относил к нему в первую очередь Туркина, и взгляд его вышел презрительным. Марина же относилась к креативному классу в первую очередь себя, ведь она занималась творчеством, писала, стало быть, — креативила. Предположение Старшова удивило ее и оскорбило. Она намеревалась с жаром возразить, но фрилансер с верхней полки вновь подал голос.

— Креативный класс, креативный класс, — передразнил он, — отсоси-ка ты у нас!

— Кошмар, — девушка закрыла уши.

— Вас всех, уродов, лечить надо, — бормотал фрилансер. — Нерадивые журнашлюхи...

— Кто это вообще? — спросила Марина.

— Интернет-журналистика, — сказал Старшов.

— Удаленная работа, — добавил Митя Туркин.

— Активная жизненная позиция, — фрилансер проятнул руку за коньяком, но Старшов больно ударил по ней. Затем, подумав, все-таки отдал бутылку: может, хоть напьется и замолчит.

Вагон качнуло на повороте, и где-то впереди раздался тревожный гудок. Поезд въезжал в ночь — за окном стемнело, словно бы таинственная закрытая республика не хотела показываться гостям даже в окне поезда. Резко раскрылась дверь купе, и на пороге возникла высокая женщина «под пятьдесят» со светлыми кудрявыми волосами. Она была одета в пестрое платье, руки украшало немислимое количество сверкающих браслетов, на груди и шее висели подвески разной длины и размеров. Сквозь строгие очки она немедленно осмотрела присутствующих и присела на свободное место рядом со Старшовым.

— Я не могу больше с ней, это какое-то наказание, — выдохнула она и, раскрыв веер, расписанный рисунками на японскую тематику, принялась яростно обмахиваться, хотя в купе было вовсе не жарко.

— Чего ж так, Анна-Мария? — спросил Туркин, сдерживая улыбку.

— Вам не понять, — бросила женщина. — Вы привыкли работать с разным человеческим материалом. А у меня тонкое строение души, я не могу с ней больше находиться. Даже соседи, уж на что дебилы из простых, со своими картишками и кроссвордиками — и те приятней!

— Вы про Настеньку? — робко спросила Марина. — А по-моему, милая девушка!

— Милая девушка — это не профессия, — скривилась Анна-Мария. — Хотя уверена, для вас это станет открытием.

Туркин повернулся к окну и долго всматривался, словно ожидая увидеть что-то, но это что-то никак не появлялось.

— Ну да, она, конечно, не совсем в теме, — осторожно сказала Марина, пытаясь нащупать компромисс. — Но она же и не журналист, она блогер. Зато фотки у нас будут классные.

— Ага, это если телефоны не отнимут, — мрачно сказал Старшов.

— Ах, перестаньте вы, — бросила Анна-Мария. — Времена ваших страшилок об этой прекрасной республике давно прошли. А вы хоть знаете, что означает само это слово — «Воючки»?

— Значит, вы все вонючки, — выкрикнул фрилансер с верхней полки. Понеслись звук вынимаемой пробки и нетерпеливые глотки.

— Не удивлена такой интерпретацией! Кстати, — Анна-Мария взяла Марину за руку и прошептала, изображая доверительность: — Кстати, ваша Настенька уверена в том же самом. Эта парочка найдет друг друга.

— У нее трое детей, — ответила Марина, — счастливая семья... Вы читали ее блог? Так и называется: nastenka. У нее подписчиков столько, что уже как СМИ регистрировать можно...

— Еще не хватало мне читать блоги современной мамы. Все эти пужожители, пупусики, бррр, — ее натурально передернуло. — Вот человек — только и умеет, что плодиться и селфи делать. И зачем ей в Воючки ехать?

— А зачем вам ехать, Анна-Мария? — спросил Митя Туркин. — Стояли Воючки без вас и еще простоят столько же.

— Как зачем? — удивилась она. — Приключения! Когда же журналист откажется от пресс-тура? Только вот я надеялась, что поеду с настоящими профи, а не с такими...

— Какими? — простодушно спросил Туркин.

— Да хотя бы с такими, как вы. Чего вам в кабинете своем теплом не сиделось? Видела я кабинет ваш... Только что судна под кожаным креслом не хватает. Ну, чтоб в туалет не подниматься.

Видя, что никто не оценил шутки, Митя Туркин намеренно выдержал паузу, а затем ответил на вопрос.

— Море там. Республика же приморская. Я искупаться хочу.

— Вот, — ухмыльнулся Старшов. — Честность — главное достоинство современного журналиста. Но я бы не надеялся: у нас пресс-тур в музей, вы не забыли? Музей посмотрите республиканский — и домой. С гостеприимством там, знаете...

— С кем я еду, — Анна-Мария картинно закрыла лицо руками.

— А вы-то сами на чем специализируетесь? — обратился к ней Старшов. — Репортажи из экоселений?

— Я специализируюсь на всем, где есть проблема, — высокопарно ответила Анна-Мария и остановила веер возле лица.

В купе появилась полная женщина, низкого роста, с добрым и словно бы удивленным лицом. Она прикрыла за собой дверь так же неслышно, как и вошла, и теперь стояла, с интересом осматривая сидящих. Анна-Мария бросила на нее тяжелый взгляд и отвернулась.

— А почему вы решили, что в Воючках есть проблема? — недоуменно спросила Марина. — Ведь мы действительно едем смотреть республиканский музей!

— Поверьте мне, если уж Анна-Мария куда-то едет, там обязательно будет проблема, — сказал Туркин и мягко улыбнулся.

— А вы не задумывались, почему республиканский музей — и находится в каких-то Воючках? Это ж на самой границе, на периферии.

— Это нам и предстоит выяснить, — мрачно сказал Старшов, но его тут же перебил звонкий голос вошедшей женщины, которая неожиданно запела:

Пери-пери-пери-пери-ферия,
пери-фери-я,
пери-фе-ри-я.

Все удивленно уставились на нее.

— Не знаете такую песенку? — женщина поджала губки, словно обидевшись. — А у меня на звонке стоит, хотите, поставлю?

— Избавь господь! — Анна-Мария вскинула руки к потолку.

— Присаживайтесь, Настенька, — пригласила Марина, придвинувшись ближе к Туркину. Он почувствовал дискомфорт от такой близости молодой девушки — годами вел одинокую жизнь — и вместе с тем необходимость что-то сделать, произнести.

— А как вы думаете, Настенька, что означает слово «Воючки»?

Настенька тихо рассмеялась и прикрыла рот пухлой рукой.

— Воючки? — застенчиво сказала она.

— Bravo! — не выдержала Анна-Мария и захлопала в ладоши. — Блондинка! Кажется, натуральная.

Настенька смутилась.

— Воючки — от слова вой, выть, — произнес Старшов. — Когда кто-то умер, по нему воют.

Все замолчали, и на миг вдруг показалось, что в купе слышен свист ветра за окном и слегка качаются декоративные занавески с логотипом фирменного поезда.

— А вдруг... — прервала тишину Марина, — это от слова войны? А? Воевать, войны. В Древней Руси воинов называли вои, нам на истории рассказывали. А Воючки — это от слова вои.

— Тогда это ирония какая-то, что ли? — хмыкнула Анна-Мария. — Ничего не понимаю.

— Вот, — бросил Туркин, — так и закончите ваш материал.

— Еще мне не хватало всяких недоучек Дуркиных слушать, — огрызнулась журналистка.

— А вас вообще е...т? — раздался пьяный крик с верхней полки, — Воючки, Х...ючки. Это ж все обман! Все — пропаганда! А вы — пропагандоны, все как один подмахиваете системе!

— Я надеюсь, что он проспит, — тихо сказала Настенька.

На этих словах в купе ворвался холодный воздух — распахнулась дверь, и в проеме возник проводник.

— Можно забирать стаканы?

Марина засуетилась, передавая опустевшие стаканы. Старшов протянул свой — к холодному чаю он так и не притронулся.

— Что-то еще желаете? — спросил проводник тем же равнодушным голосом.

— А сделайте мне массаж, — развернулась к нему Анна-Мария.

Проводник посмотрел на нее хмуро, но ничего не ответил и хлопнул дверью.

— Ваять еще есть слово, — робко предположила Настенька.

— Это Во-ючки, — тоном строгой учительницы сказала Анна-Мария. — Во-ю-, а не Ва-.

— Во-Ва, — кивнула Настенька и рассмеялась.

— Как вам вообще дали квоту, барышня? — поразилась Анна-Мария.

— Квоту? — Настенька округлила глаза. — Какую квоту?

— В республику пускают определенное количество журналистов в год, — пояснил Митя Туркин. — Ну, что-то около шести как раз...

Он вспомнил, как пытался пробить себе квоту по всем возможным каналам, через знакомых, заказчиков... А потом ему — раз! — и пришло приглашение в пресс-тур. Тогда он согласился незамедлительно, радовался, потирал руки... Но теперь отчего-то насторожился.

— Да что вы объясняете? — махнула рукой Анна-Мария. — Зачем?

— Мне в университете дали, в студсовете, — сказала Марина, хотя ее никто не спрашивал. — Сказали, что на молодое поколение, так сказать, начинающих специалистов, одна!

Щеки девушки покрылись румянцем, она была определенно горда собой и в то же время стеснялась этого.

— А мне в блог какой-то придурок написал: привет, крошка, не хочешь сгонять в Воючки? Я сначала думала: разво-о-од, — протянула Настенька.

— К каждому свой подход, — ухмыльнулся Старшов.

— И какой же к вам? — спросила Анна-Мария.

— Я несколько лет ждал... И вот, дождался. Вода камень точит.

— А кто ездил в прошлом году? — заинтересовалась Марина.

— Кстати, хороший вопрос, — задумался Старшов. Все замолчали, пытаюсь вспомнить: может, где-нибудь встречали информацию? Но в памяти ничего не всплывало.

— Я ездил, — крикнул сверху пьяный фрилансер.

— Вы? — поразилась Анна-Мария и аж привстала. — Вы уже ездили? И что ж вы молчите, ничего не рассказываете?

— А я каждый год ездю, — ухмыльнулся он.

— И что же? — спросили все почти хором.

— Да каждый раз одна и та же х...ета, — проробормотал фрилансер и повернулся к стенке.

— Нет, вы уж расскажите, — Анна-Мария принялась толкать молодого человека, тыкать указательным пальцем ему в бок. Но тот лишь едва ворочал языком:

— Мо-ре, мо-ре...

— И что? — не сдавалась Анна-Мария. Поворочавшись, фрилансер вдруг резко развернулся к ней лицом и приподнялся на локтях, скорчив страшную рожу.

— А потом баммм!!! И пожар-р-р!!! — крикнул он. Журналистка отшатнулась, мелко перекрестилась и села.

— У него, похоже, горячка, — произнесла она, оправляясь от шока.

— А вам-то че? — бросил сверху фрилансер. — Вы вон с Дуркиным опять все прожрете... просрете...

— Не обращайтесь внимания, Анна-Мария... — откликнулся Митя. — Даже для вас это, пожалуй, слишком.

Туркин пытался скрыть свое смятение от окружающих, но ему тоже стало не по себе после слов фрилансера. Анна-Мария тяжело дышала и торопливо раскрывала веер. За эти занятия ее застал проводник. Тот довольно ухмылялся.

— Вы пришли ей сделать массаж? — без капли иронии спросила Настенька.

— Я пришел отдать вам билет, — проводник повернулся к женщине с веером и торжественно произнес: — Анна-Мария Сидорова?

Веер выпал из рук, упав сперва на колени журналистки, а затем на пол, под ноги проводнику. У нее перехватило дыхание, и она лишь несколько раз открывала рот, словно рыба на берегу, в тщетной попытке что-то сказать. И наконец выдохнула:

— Хамло!

— Так написано в вашем билете, — улыбнулся проводник и отдал ей квиток. — Приятного путешествия!

Он смешно козырнул и вышел в коридор. В купе раздался смех — всю хохотал Митя Туркин, смеялась в голос Настенька, смахивая слезы, вежливо улыбалась Марина, хмыкал, кивая головой, Старшов, и только фрилансер храпел, безразличный ко всему, на своей верхней полке.

— Не знали — не гадали, — посмеивался Туркин. — Что ж, знаменитая на все регионы, кроме снобских столиц, скандальная Анна-Мария Малышева-Елизарова уже, должно быть, готовит разгромный материал про хамство проводников?

— Не расстраивайтесь, Сидорова красивая фамилия, — ласково сказала Настенька. — Сидорова коза, помните?

Купе снова прыснуло со смеху.

— У вас просто плохой день по гороскопу, — продолжала Настенька, доставая телефон. — Вот смотрите, вы кто, козерог же? Козерогам сегодня писали: «Возможны трудности, связанные с непониманием окружающих. Постарайтесь взять себя в руки, чтобы расположить их к себе и снискать благосклонность...»

— Хватит! — закричала Анна-Мария. — Гороскопы — это уже выше моих сил, — и выбежала из купе словно ошпаренная. Пассажиры переглянулись, и даже взгляд Старшова показался Мите Туркину доброжелательным.

— Смех продлевает жизнь, — пожалала плечами Настенька. — А ей бы пора уже... Ну, задуматься о продлении-то.

В купе снова засмеялись, но уже не так резво, и вскоре веселье утихло.

— А что вот вы думаете про третий глаз? — вновь заговорила Настенька. — Смотрите, чего пишут: «Существует множество упражнений для открытия третьего глаза. Но главным недостатком их всех является то, что вы используете только силу своего внимания, намерения, силу своего нераскрытого, недоразвитого третьего глаза. Для успеха попробуйте сконцентрироваться...»

— Настенька, ну хватит, серьезно, — мягко сказал Старшов.

— А что, вы не хотите знать про будущее? Вот я смотрю в будущее. Будущее — это так интересно, его можно предсказывать. Я, правда, пока не очень, — она стеснительно улыбнулась. — Но изучаю, скоро буду хорошо видеть...

Журналисты не знали, как продолжить разговор, и уставились в окно, которое превратилось в сплошной черный квадрат. Но они упорно смотрели, желая дистанцироваться от Настеньки, ее астрологии, эзотерики, предсказаний...

— Я за научную картину мира, — вежливо сказал Старшов.

— Ну да, я как бы тоже, — отозвалась Марина.

— А я пойду прогуляюсь, — произнес Туркин и в подтверждение своих слов потянулся. Марина с Настенькой подвинулись, пропуская его.

В коридоре было пусто. В окне напротив купе виднелась все та же чернота, но сквозь нее, в тусклом свете далеких фонарей, проступало море. Оно казалось таким же черным, как небо, а то и чернее, но словно покрытым глянцево-й пленкой, на глади которой расплывались пятнами отражения фонарей. «Мы уже в республике», — понял Митя.

— Что вы смеетесь, вы что, не верите в третий глаз? Вы вообще что-нибудь знаете? — донеслось до него из купе: Настенька с новыми силами рвалась в бой. Туркин резко схватил ручку двери и захлопнул ее. Постояв немного, отправился в туалет. Не особо и хотелось, но... скоро подъезжать, на всякий случай. Митя многое делал на всякий случай, а если бы начал задумываться, то понял, что и живет-то он так же, на всякий случай. Но он не любил задумываться «о смыслах», он был практичен.

В туалете было занято. Постояв с минуту возле запертой двери, практичный Митя решил не ждать и отправился в соседний вагон. «Анна-Мария приводит себя в порядок, а это может быть долго». Но соседний вагон оказался негостеприимным — он был плацкартным: больше мест, больше народу. «Меньше кислорода», — додумал Митя.

Очередь в туалет начиналась еще от третьей плацкарты, и Туркин усмехнулся: именно такими он и представлял всегда пассажиров плацкартных вагонов. Протиснувшись через очередь, которая тут же принялась возмущаться, Митя поспешил покинуть вагон.

Следующий оказался и вовсе вагоном-рестораном. Подумав, что все дольше придется возвращаться в «родное купе», он вздохнул и хотел было проскочить вагон между столиков, но тут увидел Анну-Марию. Она сидела в гордом одиночестве и смотрела прямо на него. Пройти мимо не получилось бы, и Митя, оценив ситуацию, присел напротив нее.

Анна-Мария не спеша отхлебывала пиво из алюминиевой банки и поглядывала то в окно, то на Митю. Увидев пиво, Туркин не удержался.

— Малышева-Елизарова! — воскликнул он и тут же сбавил голос: — И пиво «Энское»! Надо же! «Энское классическое».

— Там, где Воючки, — медленно произнесла журналистка, зачем-то осматривая банку.

— Там, где Воючки, вообще-то не пьют, — сказал Митя.

— Откуда мы знаем? — сказала Анна-Мария. — Вы никогда не задумывались, что никаких Воючек не существует? И никакой республики тоже?

— Это абсурд. Вы же сами понимаете... Республика есть на карте, и Воючки, разумеется, есть. Могу вам показать.

— Какой же вы, Митя, — она махнула рукой. — Дуркин. Откуда вы берете новости для своего издания? Можете не говорить даже... Вы переписываете другие. Своими словами, чтобы индекс у новости был, чтобы в топы попасть. Но уникален сам текст, а не его содержание. Его содержание всегда одно...

Митя уныло смотрел на пиво.

— Ну, вы ж понимаете, о чем я... — с надеждой произнесла Анна-Мария. — Есть только искусственные новости оттуда. Новости формальные, в которых нет жизни. Какие-то цифры, что-то открылось где-то, мы даже не представляем, что это и где. Мы ничего не знаем о них, мы не знаем, куда мы едем.

— Старшов знает, он был.

Туркин внезапно вспомнил морщинистое лицо Старшова, его маленькие глаза, тяжелый взгляд, редкие седые волосы... Его слова... Вроде бы одного с ним возраста — а как по-разному сложилась судьба.

— Анна-Мария, — зевнув, ответил Митя, — ну, конечно, я думал об этом. Иначе зачем я еду?

— А вы думаете, что знаете, зачем едете? — вскинула брови журналистка. — Это они вас вызвали. Только они знают.

Разговор надоел Мите, и он встал, давая понять, что уходит.

— Разумеется, я знаю, зачем еду, — твердо сказал он. — Может, даже больше, чем вся ваша компания.

— Эх вы, — покачала головой Анна-Мария, — взрослый человек уже — а все Митя.

— А вы, — он усмехнулся, — Малышева-Елизарова! Всю жизнь пресс-релизы переписывали и баранки ели в деревенских музейчиках. Запивая «Энским деревенским»...

Глядя на собеседницу, Турин внезапно и совершенно отчетливо понял, как они все ему противны... и она, эта Анна-Мария, и Старшов, «несущий свой крест», и дурочка Марина, не понимающая, куда и во что вляпалась... Ну, фрилансер — тот само собой: «Страх и ненависти» насмотрелся, а потом вдруг обнаружил, что журналисты в массе своей — это немного не то... Лишь одна Настенька — странно! Но только она не вызывала в нем злости, и даже вспомнив, как он хлопнул дверью, Митя понял, что закрыл дверь не «от Настеньки», а не захотев слушать, как эти дураки будут над ней потешаться. Предложить бы ей работу... Да не пойдет ведь. И правильно сделает — она человек свободный.

В последний раз взглянув на Анну-Марию, допивающую пиво, Митя зевнул и сделал шаг. В этот же миг он почувствовал, как не хватает воздуха и что-то тяжелое сдавливает его со всех сторон. Картинка вокруг исчезла — и ни вагона, ни Анны-Марии не стало, им на смену пришла чернота, такая же, как за окном, только без фонарей и моря, спиной и затылком он ощутил сильнейший удар, и стало тихо.

***

— Митя, а Митя? — услышал он над собой, и несколько хлестких ударов по щекам заставили его открыть глаза. Он лежал на полу вагона, а над ним стояла Анна-Мария. Подняться получилось не сразу, а когда наконец удалось, он стоял, шатаясь и держась за столик вагона-ресторана, и долго не мог сделать шаг. В голове гудело, ломили суставы, и тело мелко трясло. Ощущение было таким, словно он проспал беспробудным сном несколько дней. Наконец, удалось пошевелить языком:

— Что случилось?

— Не знаю, — суетливо произнесла Анна-Мария. — Но нужно выбирать-ся. Наверное, поезд неудачно затормозил. Может, на рельсах кто...

— А вы? — выдавил Митя.

— Что я? — расхохоталась Анна-Мария. — Я и не из такого выбиралась... в деревнях! Где, как вы изволили выразиться, ела баранки...

— Мы что, приехали?

Туркин постепенно приходил в себя, осматривался. Голова кружилась меньше, мир вокруг приходил в порядок, проступали краски. В окнах чернела ночь.

— Приехали, — кивнула Анна-Мария. — Я тоже очнулась: ничего не понимаю, дышать нечем, сижу, воздух пытаюсь набрать... Страшно стало, грудь скована словно обручем, больно так.

— А потом?

— Ну а потом чего... Встала. Смотрю, вы лежите — вон там, на полу... Об угол, что ли, ударились... Только б оно не сказалося на вас. На посещаемости, — она расхохоталась.

Митя хотел было огрызнуться, но только смачно сплюнул и сморщился, увидев в плевке кровь. Он посмотрел на себя: брюки, рубашка — все в грязи и крови. И пусть ее не так уж и много, но как вести переговоры... Что сказать, как объяснить. Злобно посмотрев на женщину, он, шатаясь, поплелся к выходу.

На платформе было темно, лишь горели две одинокие станционные лампы — они освещали новенькую табличку с огромными черными буквами: «ВОЮЧКИ». Недалеко от нее стояли знакомые фигуры — низенькая, полная; худощавая, высокая; стройная, длинноволосая; шатающаяся, с бутылкой в руке. Но появились и новые — их было также четверо, и с этими людьми Туркин еще не был знаком. Он взглянул на Анну-Марию, вышедшую из вагона, но та пожала плечами.

Других людей на платформе не было, и на мгновение показалось, что их вообще здесь не было никогда. Испуганный Туркин подумал даже заскочить обратно в поезд, который все никак не отъезжал, но тут услышал крик:

— Митя! Анна-Мария! Скорей сюда! Это наши, подождите.

«Девчонка заметила, машет рукой, — убеждал себя Туркин, — все нормально».

Подходя ближе к компании, Туркин почувствовал, как покрывается потом лоб. Он смог наконец разглядеть встречавших: четверо высоких и крепких человек были одеты в военную форму без опознавательных знаков и держали в руках автоматы.

— Что здесь происходит? — крикнула Анна-Мария сзади. Похоже, она тоже заметила.

— Все в сборе? — твердым, но не агрессивным, скорее усталым голосом спросил один из конвоиров.

— Мы журналисты, какое вы имеете право... — начала, приближаясь, Анна-Мария.

— Право что? — удивился конвоир. — Вас встретили на вокзале, сейчас проводят в музей. Вы же наши гости!

Он дал сигнал остальным конвоирам — перегруппироваться, и те отреагировали незамедлительно: один встал перед журналистами, другой — за ними, третий — с правого края. Оставшийся слева конвоир довольно кивнул:

— Все, можно идти.

— Да уж, действительно воючки, — поморщилась Анна-Мария.

— Вы кто такие вообще? — не пройдя и двух метров, фрилансер остановился, шатаясь и размахивая бутылкой с коньяком. — Я вас спрашиваю? Вы конституцию читали? Про международное право слышали?

Конвоиры переглянулись. Тот, что шел ближе всех к фрилансеру, схватился за бутылку и вежливо произнес:

— Отдай, пожалуйста. Тебе это не понадобится.

— Нет, тебе это не понадобится! — возмутился фрилансер и схватился за автомат. Туркин почувствовал приступ страха и придвинулся ближе к «своему» конвоиру.

— Отдай ему, — взвизгнула Марина, вlepив фрилансеру пощечину. Все замерли, поняв, что может случиться что-то страшное.

— Ребят, ну не надо, вы ж видите — человек не в себе, — встала свои «пять копеек» Настенька.

— У него сегодня плохой день по гороскопу, — добавил Старшов.

— У вас сегодня у всех хороший день по гороскопу, — мягко сказал конвоир, выхватил из рук фрилансера бутылку и вдруг неожиданно пропел тихим голосом: — Самый лу-у-учший день...

— А вы его тоже пустите? — спросила Анна-Мария, кивнув на фрилансера. Лишившись бутылки, он зашатался и упал на платформу, вскинув ноги кверху.

— Я сдаюсь! — кричал он. — Режьте, стреляйте.

Конвоир достал рацию и долго с кем-то переговаривался. Слышался шум и треск.

— В расход они нас пустят, — сплюнул Старшов.

— Что все это значит? — испуганно шептала Марина.

Наконец конвоир отключил рацию и тихо сказал:

— Значит, так, цвет столичной прессы. Тащим его на себе.

Старшов, выругавшись, поднял фрилансера, кое-как отряхнул и спросил:

— Идти можешь?

— Могу, — кивнул тот, — но не хочу.

Конвоир подмигнул Старшову, они схватили фрилансера под руки и потащили. На какое-то время наступило молчание. Они спустились с платформы по лестнице и пошли по неосвещенной тропе между высокими кустами. Впереди белела стена старого здания с треугольником крыши и круглым окошком под ним. Стрекотали кузнечики, цокали и трещали какие-то неведомые местные насекомые. В воздухе пахло морем.

— Вы ведете нас на вокзал? — с неуверенностью в голосе спросила Марина.

— Это музей, — ответил конвоир.

— Это? — ахнула Настенька, а с ней и Анна-Мария, и Туркин, и даже фрилансер вскинул на секунду голову и издал что-то нечленораздельное. — Главный республиканский музей?

— Он самый, — кивнул конвоир.

— Послушайте, — со страхом в голосе спросила Марина, — а вы не расстреливать нас ведете?

Конвоиры весело рассмеялись — впервые за всю дорогу.

— Ну, вы придумаете тоже! Расстреливать, — сквозь смех сказал кто-то из них. — Порядки такие. Вы приехали в музей? В музей! Имеете право посетить его территорию. А на остальную территорию республики вам доступ запрещен.

— Погодите, — не сдержался Туркин. — А искупаться? У вас же море!

— Еще накупаетесь...

— Где? В музее?

— А где ж еще, — усмехнулся конвоир. — Говорю же, у вас есть разрешение только на посещение музея.

— И что же? — удивился Митя. — Мы будем осматривать музей ночью? Или, может, нам лучше заночевать в гостинице?

— Вы уважаемые гости, — сказал конвоир на сей раз серьезно. — Для вас мы сделаем день.

— Послушайте... Но если мы устали с дороги! Меня вообще в этом поезде чуть не убило! — принялась возмущаться Анна-Мария. — Где это видано? Вы ведь, наверное, отдадите себе отчет, что я так и напишу — все как было.

— Это произвол, — рыгнул фрилансер, — голимый.

— Зачем так нервничать? — примиряюще сказал конвоир. — Мы на месте.

И вправду, они подошли к зданию и оказались возле высоких и массивных деревянных дверей. Конвоир с усилием потянул дверь на себя и кивком головы предложил войти. Митя вопросительно посмотрел на Старшова: мол, стоит ли, как думаете, тот вопросительно пожал плечами. Не дожидаясь их решения, юркая Настенька проскочила вперед и, достав телефон, отправилась внутрь. Журналисты последовали ее примеру; фрилансера пришлось втаскивать долго — тот ругался и упирался.

— Вы как свиньи! — кричал он, размахивая руками. — Вас ведут на убой, а вы и рады. Вперед и с песней, с айфончиком!

— А че тут фоткать? — воскликнула изумленная Настенька и уставилась на конвоиров.

— Вы еще не дошли до места, — ответил конвоир, сохраняя спокойствие, — а уже подавай «фоткать».

— А, то есть это — еще не «место»? — облегченно вздохнула Марина.

— Но все равно архитектурное решение впечатляет... — протянула Анна-Мария. — Республиканский размах.

Они стояли в квадратном помещении среди четырех высоченных стен, выкрашенных в ослепительно белый цвет, под точно таким же потолком. По краям потолка работали люминесцентные лампы.

— Это и есть ваш день? — усмехнулся Старшов.

— Нет, — ответил конвоир, — это ваш день. Вон там, — он указал на противоположную стену, — двери, видите? Пройдете в коридор, оставите вещи, и проходите дальше.

В стене действительно была дверь — раздвижная, как в поезде метро или лифте, выкрашенная во все тот же белый цвет, благодаря чему сливалась со стеной. Не скажи о ней конвоиры, никто из журналистов и не заметил бы этой двери.

— Стойте, — засуетился Митя Туркин, — а нас что, никто встречать не будет?

— Мы вас встретили, — ответил конвоир. — Разве недостаточно?

— Подождите... подождите... А кто у вас главный? Мне бы... поговорить, — он повернулся к журналистам. — Ребят, вы идите, а? Я догоню.

Он увидел, как растворяются створки ослепительной двери и из коридора словно вырывается столп нового, еще более чистого и концентрированного цвета, нестерпимого для глаз. И правда: журналисты возле двери шурились, привыкая к нему, не решались войти.

— Я хотел обсудить вопрос... — Митя сбавил голос. — У вас ведь существуют проблемы с подачей объективной информации из республики...

— У нас проблем нет, — пожал плечами конвоир. — Может, они есть у вас?

— В связи с этим они, конечно, и у нас... Понимаете, все ведь пишут свои домыслы, какую-то ерунду выдумывают в отсутствие объективной информации... Провокации опять же, чернухи нагоняют... Ну, такие, как этот, пьяный, видели? Так я вот что предлагаю. Людям реально интересно знать, что у вас здесь происходит. Наш сайт мог бы быть эксклюзивным распространителем... транслятором, если хотите, объективных новостей из республики. То есть тех, которые вы сами захотите, чтобы были размещены... Таким образом, решаются две задачи.

Митя Туркин настолько увлекся, что даже сразу не заметил, как один из конвоиров положил ему руку на плечо и внимательно, неотрывно смотрел в глаза. А когда вдруг осознал это, замолчал, почувствовав себя маленьким, беззащитным, будто в детстве, несущим околесицу, смысла которой сам не понимает и в которую совсем не верит. Он сжался, но не от испуга, а скорее, от охватившей его растерянности, от непонимания, что происходит и что ему делать дальше.

— У тебя сейчас только одна задача, — сказал конвоир и похлопал его по плечу, — иди на свет.

Митя растерянно посмотрел на одного конвоира, затем второго, остальных, перевел взгляд на дверь — коллеги уже зашли в коридор, и даже пьяный фрилансер, похоже, был там. Туркин глупо кивнул пару раз и, подумав: «Что за наваждение какое-то», поплелся в сторону двери. Он не помнил, когда испытывал в жизни нечто подобное в последний раз и испытывал ли вообще. Перед самой дверью он словно опомнился и решил развернуться, что-то снова сказать конвоирам: ведь он деловой человек, слов не бросает на ветер, да и предложение, в принципе, неплохое, взаимовыгодное... Но увиденное в проеме его сильно удивило. За дверью начинался узкий и очень длинный коридор с низким потолком и стенами, буквально источавшими свет. Источник его был непонятен, но стены буквально сочились светом, создавая иллюзию открытого пространства, безграничного по всем направлениям.

«Бог с ним, с предложением, ведь кто-то еще встретится», — подумал он и вошел в тоннель. Двери плавно закрылись, и Туркин испуганно обернулся к ним. Ни рычага, ни кнопки вблизи дверей не наблюдалось.

— Нас что, заперли? — тревожно сказал Турин и подивился, как странно прозвучал его голос — словно каждое слово произносилось медленно, тянулось и противно скрипело, словно железо. Такие же голоса он услышал в ответ:

— Там, в конце, другой выход.

— Здесь вроде и аскетично, а вроде и как-то... футуристично, что ли... — сказал Туркин, продвигаясь по коридору. Теперь настало время удивляться собственным движениям: каждый шаг давался тяжело, словно ему приходилось разрывать неведомую пелену, оболочку, укутывавшую тело. При этом ноги пружинили от пола, и каждый шаг становился медленным, застывающим прыжком.

— Футуристичный минимализм, — услышал он смех Анны-Марии.

— Отличные журналистские сравнения, — донесся с другого края тоннеля голос Старшова, и Туркин понял: тот уже у выхода.

— В такой тоннель, ребята, попадают после смерти, — голос Настеньки звучал откуда-то сверху, со светящегося потолка, словно изливался на Туркина вместе со светом. Это казалось странным — Настенька шла впереди него, смешно балансируя руками. — Я читала на одном сайте...

— Ну не будем же мы всерьез думать, что умерли! — воскликнула Марина одновременно с разных краев слуха. Туркин потряс головой.

— Конечно, не все, — звонкий голос Анны-Марии, напротив, раздавался отовсюду, со всех сторон, будто накрывая Туркина куполом. — Но некоторые — вполне возможно.

Прислонившись к одной из стен (и как у него только получилось?), фрилансер неслышно блевал. Его действие, отчаянное и эмоциональное, не сопровождалось ни одним звуком, пусть бы и самым тихим, — словно неведомый регулятор отключил ему звук вообще. Сквозь сотрясаемую спазмами фигуру сочился свет, и казалось, она растворится сейчас в нем, исчезнет.

Настенька осторожно обошла фрилансера, Туркин последовал ее примеру. Они подошли к коллегам, которые столпились возле выхода. Выход представлял собой перегородку из пластика и полиэтилена, которая управлялась механически — по всей видимости, с помощью рычага, который свисал из сияющей пустоты меж головами собравшихся. Митя вспомнил, что видел нечто подобное в супермаркетах — такие «двери» отделяли торговую зону от складской и офисной территории для сотрудников. Длинный тоннель поражал воображение, и тем удивительней выглядела в конце него примитивная перегородка.

— Кто дернет? — спросил Старшов.

— Ну не я уж точно, — рассмеялась низенькая Настенька.

— Ребята, мы в музей идем, это не русская рулетка, — нетерпеливо сказала Анна-Мария, но в голосе все расслышали, как она нервничает.

— Вперед, интересно же! — жизнерадостно крикнула Марина и рванула рычаг. — Нас ведь ждут.

Перегородка медленно принялась подниматься, и журналисты невольно зажмурились — в глаза ударил свет. И он был такой силы, что даже после сияющей белизны коридора — ослеплял. Но этот свет не был ярче, просто его природа была совершенно другой. Сияние тоннеля — безжизненное, всепроникающее, изначальное; сияние пустоты — ослепляло после черноты ночи. И точно так же после него ослеплял свет живой, настоящий, солнечный — свет дневной.

— Они что же, действительно сделали для нас день? — с любопытством произнес Туркин.

Каждый из них, стоявших в ожидании возле поднимавшейся перегородки, наверняка надеялся увидеть за ней что-то свое, но то, что там оказалось, — не мог представить никто: это было за гранью самых смелых предположений, да и не только их, — это было за гранью возможного в принципе, и даже Настенька — единственная, кто здесь верил в чудеса (по крайней мере, не стеснялся в этом признаться), застыла, смешно вскинув руки. Она собиралась сказать какую-то благоглупость, но теперь говорить было нечего. Резко не стало слов.

Если это и был музей — то музей Невозможного.

Туркин зажмурился и снова открыл глаза. Вначале он увидел море, бескрайний горизонт где-то далеко-далеко. Затем в его сознание ворвался звук, и он ошеломлял после тоннеля — своей естественностью, многообразием, отчетливостью. Звук утверждал себя, переносил слышавшего в другой, новый мир — и этот мир с каждой секундой становился все реальнее, становился единственным. Шумели морские волны, кричали чайки. И что-то еще гудело, словно где-то работал мотор.

Никто так и не понял, каким образом вышел из тоннеля, только все одновременно поняли, что стен вокруг больше нет, словно каждый сделал несколько шагов и не заметил этого, как во сне. Последним, шатаясь, мимо Туркина промчался фрилансер — он упал, не сумев удержать равновесие, и глухо ударился лбом о металлический пол. На мгновение Мите показалось, что и он может не устоять — после «невесомости» тоннеля здесь изрядно качало.

Журналисты недоуменно смотрели друг на друга и вокруг. Наконец Марина прервала молчание:

— Мы на корабле, — неуверенно сказала она.

— Ну, называть кораблем эту посудину — много чести, — хмыкнул Старшов. — Прогулочный катер. И мы, похоже, на верхней палубе.

— Господи, как красиво! — воскликнула ошеломленная Настенька. — Посмотрите! Во все стороны — море!

Туркин оглянулся, уже догадываясь, что путь к отступлению закрыт, но и тут его догадка оказалась слишком скромной по сравнению с тем, что предстояло увидеть. Ни запертой, ни открытой двери, ни даже стенки за спинами журналистов не оказалось вовсе. Металлическая лестница вела на нижнюю палубу катера, а за ней были, по всей видимости, технические помещения, откуда и доносился гул. А может, Туркину это только казалось. Сверху на него угрожающе смотрели толстые штыри и непонятые приборы, среди которых он узнал лишь один — гудок.

— Что все это значит? — возмущенно произнесла Анна-Мария. — Я не люблю, когда меня так разыгрывают.

— Не знаю, — хмуро ответил Старшов. — Но вот в том, что это розыгрыш, — сомневаюсь.

Настенька убежала на край палубы и принялась фотографировать на телефон, что-то бормоча. Остальные, кроме валявшегося на полу фрилансера, сто-

яли в смятении. Наконец Старшов двинулся к лестнице. Марина, Анна-Мария и Митя последовали за ним. Спускаясь, Туркин крикнул Настеньке:

— Не стоит оставаться одной!

— Мне придется, — ответила Настенька, не оборачиваясь. Смысл слов долетел до него не сразу: сквозь шум волн и крики птиц слова блогерши были еле слышны. Уже спустившись, Туркин вдруг тревожно подумал: «Она сказала — придется? Почему она сказала — придется? Или мне это послышалось?»

На первом этаже оказалась совсем небольшая открытая палуба, большая же часть пространства была застеклена. На крыше застекленного зала, как выяснилось, и располагалась верхняя палуба. И в зале, и на открытой палубе стояли столики, как в ресторанах, но они не были накрыты. Никаких признаков жизни на катере не наблюдалось.

— Рояль, смотрите! — воскликнула Марина.

Все повернулись в сторону носа катера. И действительно, там стоял настоящий рояль. От палящей жары его укрывал навес — обыкновенный, брезентовый, с огромным логотипом на красном полотнище: черной буквой V, вписанной в круг. Края буквы слегка вылезали за пределы окружности.

Старшов подошел к роялю и застыл возле него, словно о чем-то крепко задумавшись.

— Вы же играете, да? — спросила Марина. — Я читала, что вы прекрасно играете!

— Вы изучали мою биографию? — удивился Старшов. — Зачем?

— Мне было интересно, чем живут лучшие журналисты, — смутилась она.

— Да? — растерянно ответил Старшов. — И чем же они живут, расскажите?

— В свободное время играют на рояле...

— А вы считаете, что у нас сейчас свободное время?

— Это вы о стране? — игриво спросила Марина, приближаясь к Старшову. — Или о нас?

— Если это музей, — прервал ее громкий голос Анны-Марии, — то музей чего?

— А вы считаете, что это похоже на музей? — усмехнулась раздосадованная Марина.

— Не знаю, — пожал плечами Старшов. — Музей нас с вами, например. Как вам такая догадка?

— Мы должны найти тех, кто управляет этим катером, — твердо сказал Туркин. — Только так мы можем что-то выяснить.

— Ну вон их рубка, — ответил Старшов. — Из-за навеса, конечно, не видно. Но они могут быть только там, — он показал пальцем вверх, в небо, и получилось двусмысленно.

— Но наверху ведь дверей не было, — продолжил Туркин, — только лестница, да? Значит, проход где-то внизу...

— Отправляйтесь на поиски! — немедленно ответила Марина. — И Анну-Марию возьмите с собой.

Пожав плечами, те отправились в крытый зал катера: ситуация не располагала к спорам. Марина подошла к Старшову, осторожно взяла его за руку и заглянула в глаза.

— Марина, послушайте, — неуверенно начал он. — Мы же не на «Титанике», в конце концов...

— Вы... — прошептала она, — такой...

Грохот на верхней палубе прервал ее мысль, и одновременно с ним раздался истошный вопль. Она раскрыла глаза, встретившись с ошарашенным взглядом Старшова.

— Ааааа, — орала сверху, — твою мать! Сюда, кто-нибудь!

— Будущее нашей журналистики проснулось, — сказал Старшов и помчался к лестнице. Марина поспешила за ним.

— Что здесь происходит? Куда мы попали? — истерично вопил фрилансер и бился головой о металлический стол.

— Белка, — констатировала Марина.

— Смотри, — прошептал Старшов и побежал в конец палубы. Там неподвижно лежала Настенька, придавленная толстой металлической трубой.

— Гребанный столб! — кричал фрилансер. — Он сорвался оттуда! Сверху! Я не знаю, на хрен вообще он был нужен.

Старшов подбежал к Настеньке и попытался поднять конструкцию, но та оказалась слишком тяжелой. Марина осмотрелась: над помещением, которое они приняли за рубку, висели толстые тросы. По всей видимости, эти тросы и сдерживали от падения металлические столбы, на которых, в свою очередь, крепились провода, массивный гудок и даже несколько фонарей. Один из тросов оборвался и болтался теперь на ветру, угрожающе нависнув над лестницей, а конструкция из проводов и штырей медленно покачивалась.

— Кошмар какой, — медленно шепнула Марина. Только сейчас она поняла, насколько стар катер, на котором они оказались: все вокруг поедено ржавчиной, все «дышит на ладан», как она не раз писала в своих студенческих репортажах.

— Иди сюда, — крикнул Старшов фрилансеру. — Иди сюда, срочно!

Тот отхлебнул из новой бутылки — похоже, в карманах фрилансера было припасено еще немало алкоголя, — и неспешно встал. Он испуганно всхлипывал.

— Быстрой, — терпеливо сказал Старшов. — Марина, хватай тоже.

От подошедшего фрилансера толку оказалось немного — схватившись за трубу, упавшую прямо на грудь несчастной Настеньке, он тут же неловко выпустил ее из рук и упал. Но Марина со Старшовым все же ухитрились приподнять ее и некоторое время удерживать, а фрилансер оттолкнул тело Настеньки в сторону. Труба с грохотом ударилась о металлический пол, и Марина склонилась над ней, тяжело дыша.

— Капец тяжелая, — сплюнул фрилансер и вновь потянулся к бутылке.

— Ветер усиливается, — спокойно сказал Старшов. — Вот что плохо.

Он посмотрел на небо и увидел, как его заволакивает тучами. Солнце уже не палило, скрывшись за серой пеленой. Над маленьким катером и его пассажирами, похоже, нависала угроза.

— Она не дышит, — сказала Марина. — Что делать? Она не дышит!

Старшов встал и, покачиваясь, стоял над телом.

— Эта труба весит черт знает сколько, — сказал он. — И удар еще... Шансов немного...

— Она услышала шум и развернулась, — крикнул фрилансер. — И не успела отбежать. Я сам обосрался... Но все это было так быстро. Секунда-полторы!

— Надо что-то делать! — крикнула Марина.

— Посмотри на ее губы, — тихо сказал Старшов. Лицо Настеньки выглядело бледным, словно бы от щек и лба отхлынула вся кровь. Зато тоненькая красная струйка вытекала из приоткрытого рта, стремилась к шее. Женщина выглядела безмятежной. «Ничто не могло нарушить ее покоя», — в сознании Марины всплыла сама собой очередная «статейная» фраза, и она тут же отругала себя за это.

— Но что-то же мы можем сделать? — спросила она.

— Да, отнести ее вниз и самим убираться, — ответил Старшов. — Здесь небезопасно.

Марина закрыла лицо руками и заплакала.

— Давай, — поторопил Старшов, кивнув на фрилансера, — ему я не доверяю.

Они отволокли неподвижную Настеньку к лестнице, косясь на тревожно болтающийся трос и раскачивающиеся высокие трубы.

— Я не понимаю, — кричал, потрясая бутылкой, фрилансер, и над головой его собирались тучи. — Я не понимаю, что все это значит! Каждый раз...

В небе сверкнула первая молния.

— Осторожно, осторожно, — Старшов принялся спускаться по лестнице, крепко держа тело Настеньки за ноги. Марина схватила ее под руки и постепенно передавала Старшову. Спустившись на нижнюю ступеньку, он дал знак девушке: отпуская, и перехватил тело. Настенька безжизненно болталась в его руках.

— Нужно отнести ее в зал, — крикнул Старшов. — Скоро такое начнется...

Марина сбежала по лестнице, помогла открыть дверь. Старшов положил Настеньку на стол и стоял, раздумывая.

— Даже накрыть нечем, — сказал он.

— Я думаю, ей не надо... — прошептала Марина. Девушке было страшно и очень холодно: только теперь она осознала, что ее просто трясет от холода. Хотела прижаться к Старшову, но отбросила эту мысль: лирическое настроение исчезло вместе с солнечной погодой. Хотелось знать только одно: «Что впереди?» Но Старшов, казавшийся таким умным, опытным, всезнающим человеком, выглядел растерянно. Он бы и сам хотел понимать, что происходит.

Марина уже не задавалась непонятными и жуткими вопросами: как они могли попасть сюда из здания, почему это называли музеем и почему их здесь никто не встретил. Все это отошло, казалось совсем неважным. Только одно действительно имело значение.

— Вы знаете, что нам делать? — спросила она Старшова, предчувствуя ответ. Но тот сказал неожиданно твердо:

— Я — да! Я буду играть.

Старшов вышел из зала и направился к носу катера. Марина выскочила следом за ним и тут же поскользнулась. Палуба оказалась залита водой: волны поднимались, судно все сильнее шатало. Она подскочила и несколько секунд с ужасом смотрела на море. Потом побежала к роялю. Старшов сидел, положив руки на клавиши, и, казалось, собирался с мыслями.

— Вы чего? — ошалело крикнула Марина. — Вы это все видели?

— Я все уже, в принципе, видел, — произнес Старшов.

Марина не успела ничего ответить, потому что увидела Анну-Марию, которая спешила к ним, приподняв свое длинное платье, чтобы не намочить. За ней уныло плелся Митя Туркин. По их виду девушка сразу догадалась, что ждать хороших новостей не стоит.

— Нет ничего, представляете! — крикнула журналистка. — Кабина есть эта, чертова рубка, но ни капитана нет, ничего!

— Ну откуда вы знаете, Анна-Мария? — возразил Туркин. — То, что чего-то не видно, — не значит, что его нет.

Анна-Мария развернулась и взглянула на него как на безумца. Затем снова обратилась к Марине и Старшову:

— Нет ни одного входа в эту рубку. Понимаете? Ни одного! Ладно бы дверь закрытая, а так черт знает что...

— Не бывает кораблей без управления... — бормотал Туркин. — Мы же плывем... То есть идем. Значит, откуда-то им управляют...

— Вопрос: откуда? — завершила ошеломленная Анна-Мария, и ее тут же обдало водой. Катер трянуло, и она заверещала в панике.

— Держитесь ближе к стене! — крикнула Марина.

— Кошмар какой, господи! — причитала Анна-Мария. — И как я в таком виде...

— А вы куда-то собрались, Анна-Мария? — хмыкнул Митя. И тут же Старшов ударил по клавишам — резко, зло.

— Вы помните, откуда мы пришли? — сказал он.

— Откуда мы пришли? — переспросил Туркин. — У нас нет никакой связи с тем местом. Она исчезла, вы же знаете! Зачем вы говорите глупость?

— Связь есть, — ответил Старшов.

— Какая связь? Оглянитесь! — воскликнула Анна-Мария. — С тоннелем? Со зданием возле вокзала? С поездом? Где она — эта связь?

— Это и нужно понять, — сухо сказал Старшов. — Над этим и надо думать. Если всем этим... кто-то и управляет, то управление идет оттуда...

— Я с вами не согласен! — взорвался Туркин.

— Это неважно, — Старшов снова ударил по клавишам.

— Может, мы сами управляем? — неуверенно предположила Марина. — Мы те — нами этими? А?

— Да бросьте вы — «управляем», — рассмеялась Анна-Мария. — Мы болтаемся, словно бутылка в море.

На небе снова сверкнула молния, и раздался наконец первый раскат грома.

— Как бутылка с письмом... — продолжил Туркин и вдруг неожиданно улыбнулся. — Я отправлял такие в детстве. Ну, все же отправляли...

Журналисты переглянулись.

— Похоже, только вы, Митенька... — резюмировала Анна-Мария.

— Может быть, Настя еще, — вполголоса произнесла Марина.

— Вот-вот, — подхватил Митя, — Настенька! Я ее спросил еще: а кому тогда оно? Ну, это послание в бутылке...

— Может, вам? — спросил Старшов.

— Именно! Но и вам тоже... Так она и сказала — может быть, всем нам? И еще... еще она сказала, — Митя заговорил быстрее, словно торопился, но на самом деле вдруг почувствовал сильное волнение. — Что кое-что знает про нас всех. Да-да, так и сказала мне: «Я и про вас кое-что знаю, Митя». А я так удивился и говорю: ну что же? Она так посмотрела внимательно и говорит: «Вы живой». Ну, я рассмеялся, ей отвечаю: так это я и сам про себя знаю. А она улыбнулась лукаво так и говорит почему-то: «Нет. Пока не знаете». Вот...

— Подождите, Митя, — спохватилась Марина, — когда она вам это говорила?

— Да вот только что! Пока мы сюда шли, да, Анна-Мария?

— Не знаю, — отмахнулась та, — я впереди шла. О чем мне говорить с этой дурой?

— Но это невозможно! — воскликнула девушка. — Невозможно, вы понимаете!

— Здесь многое что невозможно, — фыркнула Анна-Мария. — Это что-то меняет?

— Да нет же! — крикнула Марина. — Пойдемте! Пойдемте все в зал, немедленно!

Снова ударил гром, и Старшов проиграл короткую и мрачную мелодию. На него не обратили внимания: Анна-Мария и Туркин вслед за Мариной отправились в зал.

— Где она? — прошептала Марина, почувствовав вдруг, как ослабела, как кружится ее голова, как хочется спать: спрятаться где-нибудь и спать. «Не упасть бы», — подумала она. Митя кашлянул.

— Она в туалет пошла... Я уж извиняюсь за подробности. Сказала, что ей очень страшно, что хочет от всего закрыться, пересидеть, в общем.

— Пересидеть? Митя, труба раздавила ей грудь. Мы нашли бездыханное тело — там, наверху. Мы принесли ее сюда.

— Труба? Какая труба? — непонимающе уставился Митя.

— Там... На верхней палубе... Труба... — попыталась объяснить Марина, но поняла, что ничего не получится.

— Вы говорите глупости, девушка, — фыркнула Анна-Мария. — Какая еще труба?

— Оставьте ваше высокомерие для статей, Анна-Мария, — Марина перешла на крик. — Неужели вы не понимаете? Вы что, слепая? Там — начинается шторм, нас может перевернуть здесь, накрыть водой! Здесь происходит необъяснимое. Вспомните, как вы сюда попали! Мы в любой момент можем умереть, а Настенька... Настенька уже умерла!

— Ересь какую-то вы городите...

— Бог с вами, где здесь туалет? — крикнула она Мите. — Где этот дурацкий туалет?

— Да вон же, сразу за барной стойкой, — показал Туркин, — только она вас не пустит.

Марина обогнула пустую стойку, испугалась своего отражения в зеркальном стеллаже — вот уж и не подумала бы, что здесь может быть бар... Весеелье, еда, напитки... морская прогулка — как это все не вязалось с тем, что творилось здесь. «Творилось... творилось... Акт творения. А значит, есть и творец. Кто он?»

— Настя, откройте, Настенька, — заколотила она кулаками по двери туалета. — Настя, мне Митя сказал, что вы там. Как вы?

— Мне страшно, Марина, — отозвался голос из-за двери. — Вам спасибо, Марина... Но мне страшно. Я посижу здесь.

— Настенька, у вас же семья, дети...

— Да, и я очень счастлива... Я не хочу, чтоб была беда. Мне это все... не нужно!

«Надо же, как говорит, — думала Марина, — просто, наивно так. Но все ведь правильно, все так!»

— Вам ведь нужна помощь? Вам ведь... эта труба... Ну откройте же!

— Вы помогли мне, Марина, — Настенька всхлипывала за дверью. — Вы мне очень помогли, спасибо. Но сейчас вы ничем не поможете... Помогите себе...

Волна страха окатила Марину, и в этот же момент раздался грохот: судно сильно качнуло, и она буквально упала на дверь туалетной кабинки. «Не смыло бы там Старшова», — и тут же опасение отступило: раздалась тихая музыка. Хотя бы одно отступило... Надолго ли?

— Настя, — умоляюще произнесла девушка. — вы что-то такое знаете, чего здесь не знаем мы...

— Знаю, — ответила Настенька из-за двери. — Я ведь еще говорила в поезде...

— Простите нас, Настя, — искренне сказала Марина, но тут же ее окатило новой волной: отчаянной злобы, и она выпалила: — Настя! Я видела, как вы умерли! Что это все значит? Что это все значит???

Она вновь ударила кулаками по двери кабинки. И... расплакалась теперь сама.

— Случится плохое еще три раза, — тихо ответила Настенька.

— Что? — переспросила Марина. — Вы это сказали, Настя? Или мне просто послышалось? Настя, откройте мне...

— Я буду вам говорить, — ответила Настенька и вновь повторила, чуть громче: — Случится плохое три раза...

Марина отшатнулась от двери, словно ее отбросила неведомая сила. «Я буду вам говорить...» — звучало в ее голове, и боль... Всю голову сковала резкая боль. Она обогнула пустую стойку и заплывшим от слез, потерявшим ясность взглядом увидела перед собой фигуры... Человеческие фигуры — их было три. Митя и Анна-Мария — они так и стояли, переговариваясь. Но был кто-то еще: за дальним столиком, возле широких окон.

— Журналист должен бежать НА информацию, а не ОТ нее, — донесся до нее голос Анны-Марии. — С чего они взяли, что она умерла? Может быть, просто струсила?

— Они, блогеры, неубиваемы, — поддержал Митя.

— Обыватели! — воскликнула журналистка. — Что с ними случится? То ли дело мы — штучный товар!

Марина приблизилась к ним и с ненавистью посмотрела на Митю, потом — на Анну-Марию. Зрение возвращалось, а эмоции кипели, переполняли ее.

— Слушайте, вы! — бросила она обоим сразу. — Как вы вообще можете! Как вы можете!

— Да у меня три раза плохое — только за три минуты случается... Так что вы успокойтесь, нах... — донеслось до нее, она резко, как хищница, перевела взгляд и «считала» полученную информацию: в дальнем углу сидел фрилансер.

Выглядел он плохо. Перед ним стояла почти пустая бутылка — алкоголя в ней было на самом дне. Но фрилансер смотрел не на нее — он вращал головой и даже делал вялые движения руками. Марина осторожно прошла между столиков, успев испугаться от увиденного за окном: там бушевал ветер, волны заливали палубу... «Что же Старшов? Что же он не идет?»

— Нам пришла пора познакомиться, — громко сказала Марина, присаживаясь напротив фрилансера. — Скажите, кто вы такой...

— Тихо, — сказал фрилансер и приложил палец ко рту. — А то она вас услышит.

— Она? — переспросила Марина и вдруг увидела, что привлекает внимание фрилансера, за чем он так пристально наблюдает. Вокруг летала оса. Крупная, мгновенно оценила Марина, раза в два больше обычной... Ее передернуло — она не любила и очень боялась ос. Но сейчас нужно было терпеть... ради чего-то важнее... ради спасения, может.

— Она никому не расскажет, — произнесла Марина, стараясь не терять самообладания. — Если вам это важно, то я тоже...

Фрилансер посмотрел на нее мутным взглядом и расхохотался.

— К чему такая конспирация? Я обычный человек... Ну разве что свободный, — он многозначительно хмыкнул, — не такой, как вы. Работаю на себя.

Марина предпочла не реагировать на выпад, гнуть свою линию.

— Там, в поезде... вы говорили, что были здесь раньше... Не знаю, здесь или нет. Но вы сказали, что каждый раз ездите.

— Так уж вышло, — он открыл бутылку и сделал глоток, — я не даю им покоя... И каждый раз — прикинь, ну каждый раз, кто бы там ни был, всегда представляет меня. И именно таким, как я сейчас. Я зае...лся уже пить, ну чессслово!

— Мы в беде, — спокойно произнесла Марина, покосившись тем не менее на осу. Что-то в ее внешнем виде было не так... — Слушайте, откуда здесь эта оса?

— Откуда здесь это все, Марина! — воскликнул фрилансер. — Шире бери, шире! Но если, конечно, не хочешь... — он заговорщицки подмигнул ей и сбавил тон, — то оса здесь как раз для такого случая.

Словно услышав его слова, насекомое плавно опустилось на стол и принялось медленно перебирать лапками, приближаясь к девушке.

— Гадость какая, — не выдержала она.

— Посмотри на нее, — предложил фрилансер. — Ну же! Видишь?

— Что я должна уви... — начала Марина и осеклась. Невозможное вновь прорывалось в мир, отбрасывая маскировку под реальность. Оса выглядела идеальной боевой единицей, самолетом-истребителем: во всю спину, желто-черную, как подобает осам, красовался большой круг, а внутри него — совсем как на брезентовом навесе — сверкающая черная V. Марина ахнула, подпрыгнула и отскочила от столика.

Фрилансер вновь рассмеялся.

— V — значит Воючки, — многозначительно произнес он.

— А что... — Марина пыталась взять себя в руки, и это получилось: в конце концов, оса не проявляла никакой агрессии. — А что значат... эти Воючки?

— Воючки — это то, чего каждый из нас боится, — сказал фрилансер и вновь откупорил бутылку. — Марин, там, на крыше, зажглись фонари, представляешь! Скоро там бу-у-удет красиво! Не пропусти! Обязательно глянь на них — там на каждом — точно такой же символ. Здесь он везде! Везде! — расхохотался он. — Вот только я... все это больше не увижу.

— С чего бы? — оторопело спросила Марина. Все, что случилось дальше, произошло так быстро, что она не успела даже шагнуть к столику. Фрилансер опрокинул бутылку и сделал последний глоток, опорожнив ее. Затем разжал руку, выпустив бутылку, и резко накрыл ей осу... Надавил.

Через мгновение он валялся на полу в проходе между столиками и корчился в судорогах. Глаза его были выпучены, а изо рта шла пена. Словно во сне, Марина кричала что-то, но не слышала сама себя. Рванул с места Митя, побежав к ней, нагнувшись над фрилансером, закрыла лицо руками Анна-Мария... Будто из другой реальности, привычного и понятного мира, оставшегося где-то далеко, раздалась медленная, протяжная мелодия...

— У нас труп! У нас снова труп! Он умер! — расслышала наконец себя Марина. Агонизирующий фрилансер сжимал в руках мертвую осу, словно мягкий фрукт, желая выжать из него последние остатки сока...

Потом все закончилось, фрилансер лежал, неподвижный, и только страшные слова вернули Марину обратно — в реальность. Или то, что здесь прикрывалось ею.

— Да он как был труп, так и остался, — спокойно сказала Анна-Мария, безглаголиво осмотрев лежащее тело.

— Это ваш коллега, — сжав зубы, процедила Марина. — Наш. Он умер.

— Коллега? Он? — удивленно спросила Анна-Мария.

— Вам, Анна-Мария, тамбовский волк коллега, — попытался сострить Туркин, смущенный такой реакцией журналистки. Но что сказать самому, не знал. Ему хотелось скорей исчезнуть, раствориться — как тогда, в поезде. Но вид за окном принуждал оставаться в зале — покидать его становилось опасно.

— Вот мне, — Марина поднялась и тяжело дышала, глядя на Анну-Марию и Туркина, — вы точно не коллеги.

Она развернулась и быстрым шагом пошла к выходу, навстречу молниям и соленой морской воде.

— Идиотка прекраснодушная, — покачала головой Анна-Мария.

— Побежала к Старшову... Только б не смыло их там, — Митя вздохнул и присел, обхватив голову руками. Он признавался себе, что ему надоело все больше, чем испугало. Он устал и хотел бы вернуться в свой кабинет, снова сидеть там, пролистывая информационную ленту и попивая чай... И бог с ним, что не получилось с этими Воючками заключить контракт... В конце концов, его ждет новая работа, его ждет новый, более уютный кабинет... А он? «А я что... — подумал он грустно. — Я плыву по течению. В прямом и в переносном смысле».

— Ничего, — он не заметил, как стал говорить вслух. — Куда-нибудь вынесет.

Тем временем корабль трянуло так, что он едва не упал, успев обхватить рукой столик. Волны усиливались, хотя и казалось — куда еще сильнее? Чтоб их разнесло в щепки? «А смысл? — думал Митя Туркин. — В этом должен быть смысл. Но его нет».

— Помогите мне, вы! — в зал снова вбежала Марина. — Ну ладно вы, Сидорова! Но хотя бы Митя... Митя Туркин, помогите мне уговорить Старшова! Он погибнет!

Девушка подбежала к Туркину и схватила его за обе руки.

— Вставайте же, пожалуйста! — умоляюще крикнула она. — У нас совсем нет времени!

Когда они вышли на палубу, держась друг за друга и стены, чтобы не смыло волной, обоим стало по-настоящему страшно. Катер сильно раскачивался,

вдалеке виднелись высокие волны, на сером небе то и дело сверкали молнии, лил дождь. Старшов сидел за роялем, мокрый с ног до головы, и что-то наигрывал.

— Вся жизнь моя, судьба моя... — донеслось до Марины, и она поняла: Старшов пытается петь. Но это больше напоминало молитву или заклинание, чем песню. Да и песни с такими словами девушка раньше не слышала...

— Он умом-то не тронулся? — острожно спросил Туркин.

— Пойдемте, — крикнула Марина. — Нас всех сейчас смое! Нужно прятаться.

Сильная волна ударила в борт, катер трянуло. Старшов, не обращая внимания на ее слова, продолжал давить на клавиши и бормотать. Марина боялась обходить рояль, чтобы приблизиться к Старшову, — ее легко могло смыть волной. Туркин оставался позади нее и вообще боялся сделать шаг, мечтая лишь о том, чтобы быстрее вернуться в зал.

— У нас там труп, — крикнул Митя Туркин.

— Мы не хотим еще одного, — подхватила Марина. — Вы нужны нам! Надо прятаться, срочно.

— Вы с нами, — нетерпеливо закричал Туркин, — или нет?

Внезапно Старшов поднял голову и посмотрел на него пристально.

— Этого не бывает, — сказал он громко и твердо.

— Что вы говорите? Я не слышу, — Туркин приложил руки к ушам, показывая: не слышно.

— Он говорит, что этого не бывает, — повторила Марина.

— Чего не бывает? Я не понимаю!

— Мы не понимаем, — крикнула Марина Старшову. — Идите скорее к нам!

— Всего этого, — Старшов описал рукой полукруг.

— Но я это вижу, — отчаянно произнес Туркин. — Я это все вижу! И это очень опасно.

— Нет, — покачал головой Старшов и ударил по клавишам — кулаком, со злобой. — Того, что происходит на самом деле, вы не видите. Но вам нужно увидеть как можно скорее, Туркин. Или вы никогда не увидите...

— Идите уже сюда! — крикнула в последний раз Марина и почувствовала, как страх поглощает все ее существо — страх того, что вот так же точно неизвестное ей море поглотит катер с нею вместе и наступит вечная чернота. И она никогда больше не увидит дня, солнца. А Старшов... ведь это его судьба, его жизнь, его, наконец, выбор.

— Чем скорее увидите, тем лучше! — убеждал Старшов Митю. — Старайтесь, старайтесь увидеть!

— А, черт с вами! — в сердцах крикнула Марина и побежала в зал. Туркин немедленно последовал за ней — и едва они заперлись, как мощная волна ударила в двери. Ручейки воды растекались по залу, сливались в лужи, маленькие моря на полу единственного — пока что — безопасного места на катере. Марина закрыла двери на длинную щеколду, но не отходила от них до поры до времени: вдруг одумается, вдруг появится возле нее — из мутной водной стены — Старшов. Но он не появлялся. Марина плакала.

Больше никто не произносил слов. Только звуки, всхлипы, стоны, вздохи... Всем стало не страшно даже — жутко. Из множества возможных когда-то мыслей осталась одна: пережить. А потом катер так ударило, что Марина перелетела через весь зал и потеряла сознание. Анна-Мария спряталась за пустой стойкой и только громко кричала, когда били сильные волны. Туркин сидел на полу, зажав руками голову, зажмурив глаза. Вскоре и его чем-то ударило, и он забылся.

А затем вышло солнце.

Первой его увидела Анна-Мария. Она не теряла сознания, так и пересидела все это время, спрятавшись за стойкой. Когда стало спокойнее, она вышла

и обнаружила труп фрилансера. Его помотало по залу, пока бушевала стихия, и теперь он выглядел так, словно бы умер от побоев. Тело прибило к двери, оно лежало в грязной воде, и Анна-Мария, поморщившись, перешагнула через него, чтобы выйти на открытую палубу.

Катер продолжал идти на той же скорости, что и перед буйством стихии, — словно и не было этих нескольких кошмарных часов. В воде преломлялось солнце, на небе застыли неподвижные облака.

Анна-Мария зевнула и, прищурившись, посмотрела на солнце. На мгновение ей показалось, что на ослепляющем диске проступила черная буква V, и Анна-Мария ощутила, как возвращается страх. Она зажмурилась, но яркий диск солнца с таким странным «затмением» еще долго растворялся в наступившей темноте.

Анна-Мария потеряла глаза, и видение наконец исчезло.

— Старшов тут? — услышала она за спиной голос Марины. Он звучал тихо, еле слышно, и дрожал.

Анна-Мария развернулась и посмотрела на девушку. Ей не хотелось говорить, что она вообще забыла о Старшове — не только о том, где он, а и вообще о его существовании. Забыла она и про Марину. Она радовалась, что все хорошо закончилось, что она жива и наконец хорошая погода... Марина выглядела бледной; в растрепанных волосах торчали комья грязи, на лице — застывшая кровь. Она шаталась, как зомби. «Да, ослабела девочка, — мгновенно оценила Анна-Мария. — А сейчас еще и этот Старшов...»

Журналистка так и не нашла, что ответить. Она развернулась и направилась к носу катера — туда, где стоял рояль, где они оставили перед бурей Старшова... Брезент с огромной буквой V валялся, залитый водой, — это все, что Анна-Мария, а затем и пришедшая следом Марина увидели на носу. Даже рояль смыло в воду.

— Вот, даже видно, как падал, — прохрипела Анна-Мария. — Проломил там все...

Ей совсем не хотелось сцен страдания, и она надеялась, что девушка — ведь взрослая, все понимает — смирилась с потерей Старшова, еще оставляя его. Она развернулась, чтобы уйти, и встретила взглядом с Туркиным. Митя был помятым и грязным, выглядел жалко. Его подбородок мелко трясся, и Анна-Мария хмыкнула, заметив это.

— Вы тоже здесь, — сказала она, чтобы что-то сказать.

— Да, Анна-Мария, — редактор нашел в себе силы для ответа. — Как ни прискорбно вам это осознавать.

— Прискорбно сейчас нашей Марине, — тихо сказала она.

— Нет! — закричала нечеловеческим голосом Марина. — Нет! Нет!

— Марина, это было прогнозируемо, — Анна-Мария не знала, как утешать людей, да и не хотела этим заниматься. Но девушка закричала вдруг, кинувшись к ней:

— Вы! Почему вы все живы, а он — нет? Почему? Кому так угодно?

Смотреть на Марину было страшно — она на глазах теряла рассудок. Туркин перехватил девушку, чтобы та не бросилась на Анну-Марию, но она начала кусать его, царапать ему лицо, не прекращая кричать проклятия.

— Да успокойтесь же вы! — Туркин впервые повысил голос да так заорал, что испугался сам. Он толкнул Марину, и она отлетела на брезент, разбрызгивая воду.

— Это вы не должны были жить, — рыдала она, — это я не должна была. А он — должен!

— Мы все должны были жить, — сказал растерянный Туркин. Анна-Мария отошла на безопасное расстояние, и теперь он оставался один с рыдающей девушкой.

— Не все, — кричала, забыв себя, Марина. — Какая от вас польза? Кому нужно, чтоб жили вы? Зачем?

Мите показалось, что на этих словах девушки все вокруг замерло, остановилось, исчезли все звуки, и по небу, затем по воде и носу корабля с мокрым брезентом и застывшей девушкой пошла разноцветная рябь, как случается во время помех в эфире. Он почувствовал странные толчки в боку, словно кто-то стучал по ним кулаком, жар в груди и висках и вдруг ощутил, как всему телу стало жарко. Митя в мгновение покрылся потом и запаниковал, не понимая, что происходит. Будто бы реальность, существовавшая вокруг, кроме него самого, застыла в ожидании чего-то. Или ее кто-то остановил? А сквозь нее прорывалась, пыталась пробиться совсем другая, непонятная реальность.

Но та, где по-прежнему оставался Митя, похоже, брала верх. Когда рябь исчезла, он вновь услышал шум волн, мотора, крики чаек и ощутил, как качается на волнах катер, только одно изменилось — Марина. Она уже не причитала, не всхлипывала, не билась в конвульсиях на брезенте. Лежала, поджав ноги, — даже можно было б сказать смешно, если б она просто спала. Но Туркин сразу же понял: это не сон. Девушка не пережила гибели кумира.

Митя склонился над ней и пощупал пульс.

— Все верно, — прошептал он, — все верно.

Вдруг вспомнились слова Старшова: этого всего не может быть. Нужно увидеть то, что на самом деле. Но как? Как это сделать? Вдруг следующим после Марины окажется он? Ведь на борту теперь только он — и Анна-Мария. Или...

— Не только! — крикнул Туркин сам себе, подсказывая. В туалете спряталась Настенька. Как они все забыли? Ведь с ней не могло случиться что-то во время бури. Или могло?

Туркин поднял глаза вверх и обомлел. Брезент пал, уступив стихии, и теперь можно было увидеть, кто управляет катером из рубки.

— Анна-Мария, — закричал он. — Анна-Мария, идите сюда.

— Вы меня пугаете, Митя, — сказала та, подойдя, — у вас совершенно безумные глаза.

— Смотрите, — только и смог произнести Туркин.

В рубке катера не было окон. Над стоящими на носу людьми возвышалась сплошная металлическая стена, покрытая облупившейся белой краской.

Анна-Мария достала телефон и, включив камеру, принялась снимать. Митя уставился на нее.

— Что вы на меня все так смотрите? — спокойно спросила Анна-Мария.

— Телефон! — произнес Туркин. — У нас же есть телефоны. Почему никому до сих пор не пришло в голову позвонить? В интернет выйти?

— А почему вы думаете, что не пришло? — Анна-Мария показала ему снимок. — Вы, как всегда, меня недооцениваете.

— И что? И что же? — Туркин полез в карман.

— Смотрите сами, — пожала плечами Анна-Мария. — А девочка все же не выдержала?

Митя тяжело вздохнул, посмотрев на экран телефона: нет сети. Ну да, как же он сразу не догадался? Откуда сотовая связь в открытом море?

— С Мариной вообще получилось странно, — задумчиво произнес Митя и хотел было рассказать, как замерло все вокруг и он так и не сумел понять, что произошло с девушкой, но так и не стал этого делать. Вместо слов он только поднял вверх руку и указательным пальцем показал вперед.

— Что, Митенька? — не поняла Анна-Мария.

— Берег, — прошептал Митя.

Они посмотрели вдаль и увидели полоску берега вдалеке. Едва ли там можно было что-то разглядеть, но это была надежда. Катер не отклонялся от курса ни разу за все время, что они пробыли здесь. Не было сомнений и сейчас — они приближаются к этому берегу. К земле. К суше.

— Скоро мы разглядим, — прошептал Митя.

— А я и сейчас вижу, — ответила Анна-Мария.

— И что же вы видите, позвольте полюбопытствовать...

— Я вижу поезд, — неожиданно сказала журналистка. — Вглядитесь, Митенька, и вы увидите...

— Поезд? — Митю передернуло. — Я только вижу серую полоску — там, на горизонте. Между водой и небом... Идти нам еще прилично.

— А на этой полоске — маленькие вагончики. Один за другим. Я вижу не меньше восьми.

— Вагончики... Что это может значить?

— Не знаю. Хотя... Я ведь тоже могу ошибаться, не все же вам, Митенька... Он повернулся к женщине, и лицо его приобрело неожиданно гневный вид.

— Прекратите уже называть меня Митенькой! Сколько...

И вдруг его осенило. Он посмотрел на берег и почти закричал:

— Я тоже вижу! Вон первый, второй, третий... Слушайте! Это же наш поезд! А что, если это наш поезд? Что мы сейчас вернемся туда.

— Ну и как не называть вас Митенькой... — вздохнула Анна-Мария.

— Здесь что-то не так... — прошептал Туркин. — Помните, Настя говорила, что все про нас знает. Что я — живой, но еще не знаю про это. Я, кажется, начинаю понимать, что она имела в виду.

Анна-Мария смотрела вдаль и молчала. Ее волосы развевались по ветру, а солнцем приятно грело лицо — должно быть, ей все это нравилось.

— Мы должны ее спросить! — настаивал Митя. — Она ведь здесь, вы что, забыли! Нам нужно отправиться к ней. Скажем про берег! Про поезд. Она — знает.

— Чтобы я? И слушать эту дуру? Митя, вы всерьез мне это предлагаете? Да никогда!

— Тогда скажите что-то дельное! — крикнул Туркин. — Вы можете все это объяснить? Хоть как-то? А она может!

Анна-Мария скривилась, и в этот момент раздался истошный крик. Он звучал словно из металлической трубы — глухой, сдавленный. «Утробный», — почему-то подумал Митя. И тут же подумал: а что? Так и есть? Он прав? Ведь Настя спряталась в самой утробе катера, в туалетной кабинке, которая тоже была спрятана — в закрытом со всех сторон зале катера, в закутке. Она была самым сердцем катера, Настенька, подумал вдруг Митя — а он сразу понял, что это была она. И сейчас это сердце забилося.

— Она зовет нас, — сказал Митя, и, словно в подтверждение его слов, снова раздался истошный, но непродолжительный крик.

— У нее айфон, наверное, сел, — зевнула Анна-Мария.

— Да что ж вы за человек... — бросил Митя. — Вы хотите понять, что здесь происходит? Вы хотите, в конце концов, выкарабкаться отсюда?

— Скоро берег, можно и не суетиться, Митенька... Но если вам страшно идти одному — то так и скажите.

Анна-Мария развернулась и проследовала в зал. Когда они вошли, Настенька крикнула третий раз — тише и короче, словно бы как-то поняла: они уже здесь, на месте.

— А вы разве живы? — воскликнула вдруг Анна-Мария, и Туркин поначалу усмехнулся, подумав, что вопрос адресован ему. Но, войдя в зал, он замер на месте как вкопанный. Перед ним за одним из столов сидел фрилансер. Митя слотнул и почувствовал, как лоб покрывается мерзкой испариной. Фрилансер с любопытством смотрел на него.

— Поздравляю вас, — произнес Туркин, не понимая, как такое возможно. «Вот женщина, — подумал он про Анну-Марию, — ничем не проймешь».

Митя подошел к фрилансеру и с опаской посмотрел на него. Тот выглядел странно: никаких кровоподтеков, синяков, никакой грязи в волосах и главное — следов похмелья. Он производил впечатление бодрого и даже вполне счастливого человека. Таким его еще никто не видел.

— Что вы так смотрите? — с улыбкой сказал фрилансер. — Не одного вас позвали.

— Я вам говорила: это случится еще три раза, — раздался голос, заставивший Митю вздрогнуть. Он звучал из рупора, растекался с потолка крытой палубы — видимо, там было радио для связи с пассажирами, сейчас казалось, что такие радиоточки здесь повсюду. Туркин вдруг осознал, что это уже не Настенька говорит с ними, а сам катер или что-то еще, куда более мощное, сильное, что управляет катером, — но говорит оно голосом все той же Настеньки, той самой, которую так хорошо помнил Митя. Которая сказала ему, улыбнувшись: просто вы еще не знаете... не знаете...

Наверное, теперь от ее голоса можно было скрыться, лишь прыгнув в воду и нырнув глубоко-глубоко. Но от тех слов, что звенели в голове у Туркина, невозможно было скрыться даже так.

Была ли Настенька по-прежнему в туалетной кабинке или растворилась, перешла во что-то нематериальное, стала здесь всем? От этой мысли Митю бросило в дрожь.

— И теперь кто-то из вас останется здесь, со мной, — продолжала Настенька. — Те, на кого я посмотрю. На кого я смотреть не стану, должны будут уйти.

— Сколько ж можно это терпеть? — воскликнула Анна-Мария. — Митя, давайте ж быстрее!

— Что Митя? Что Митя? — в сердцах крикнул Туркин. — При чем тут вообще Митя?

Он злобно смотрел на Анну-Марию, ожидая ответа, и вдруг заметил, как за ее спиной, там, где выход на открытую палубу, появляются новые фигуры.

— Не может быть! — ахнул он. Старшов и Марина вошли в зал как ни в чем не бывало, как будто бы не смыло одного из них за борт, как будто не скончалась в судорогах другая.

— А вот и наши Ромео с Джульеттой, — вскинула брови Анна-Мария.

— Мы что же, все умрем? — спросила Марина. Голос ее был тихим и, казалось, лишенным всяких эмоций.

— А вы, Старшов, что, прятались под брезентом? — спросила Анна-Мария.

В тот же миг Туркину стало так страшно, что он побежал. Разум отказал ему, и только охвативший ужас управлял движениями. Не понимая, куда и зачем бежит, он двинулся в сторону барной стойки — и тут же увидел Настеньку. Она стояла прямо на его пути, еще одно движение — и Туркин снес бы ее. Хотя теперь, глядя на Настеньку, он ощутил серьезные сомнения в этом.

Настенька казалась скалой — холодной и твердой. Ни одно движение не выдавало в ней жизни. Она не смотрела на Туркина, потому что вообще никуда не смотрела. Стояла, закатив глаза, и Митя с ужасом уставился в пустые белки. Он попятился.

— Повторяю! На кого я посмотрю — должны будут остаться здесь, — услышал он.

Но говорила не Настенька. Сама она была бледной и двигалась как-то странно, словно не она сама, а неведомая сила перемещала ее в пространстве. При этом ее рот даже не открывался. Голос звучал по-прежнему из радиоточек и рупора. Нет, это было страшнее, чем даже ожившие Марина и Старшов. Это было страшней всего на свете! Сердце бешено забилося, и Туркин побежал к другому концу зала, где за кормой катера открывалось просторное спокойное море. Там он замер и дрожа смотрел на все, что происходит.

Старшов с Мариной, Анна-Мария, фрилансер — все застыли на своих местах, словно по команде из старой детской игры «Морская фигура, замри». Настенька приближалась к каждому — начала с фрилансера, и даже Туркин из своего дальнего угла заметил, как сверкнули ее глаза. Фрилансер обхватил голову руками и сидел, качаясь.

Следующей была Анна-Мария. Она насмешливо смотрела на страшную Настеньку, но та не уходила, и журналистка наконец занервничала:

— Скоро этот цирк кончится? — крикнула она.

Тело Настеньки стало отдаляться от Анны-Марии. «Не посмотрела», — понял дрожащий Туркин.

Марина и Старшов, кажется, знали, чего ожидать, — или догадывались, или... сложно что-то сказать о людях, которых совсем недавно еще не было в живых. Впрочем, а были ли живыми они сейчас? Внезапная догадка поразила Туркина: он видел смерть фрилансера своими собственными глазами... Старшов и Марина — свидетели гибели Настеньки... То, как она выглядит, то, что она сказала — или сказал катер, черт с этим, неважно: те, на кого посмотрю, — останутся со мной... И те ее слова — ему, Мите: вы просто еще не знаете, что вы живы... Кажется, он теперь знает.

«Это же маленький судный день! Маленький судный день на отдельно взятом катере».

Митя поразился, что ему пришел в голову готовый заголовок. Да, если он выберется отсюда, — именно так и напишет. Даже не так: на отдельном судне. «Судный день на отдельном судне». А, каково? Вот только зачем... Зачем о таком писать, даже если оно и было? Кто поверит? Кто поймет — о чем эта история? Да и кто за нее заплатит?

Одно Митя знал теперь точно — он сойдет на берег. Как там сказала Настенька, «будет должен уйти». А большее — и понимать не нужно. Пусть понимают Старшов с Мариной — это они, крепко держась за руки, смотрят в глаза безжалостной Настеньке. Марина, положив голову на плечо Старшову, пыталась заплакать. Но ничего не получилось.

Митя поднялся с пола и понял вдруг, как защемило сердце. Движения давались с трудом, а тело охватила странная, неведомая доселе слабость. Пространство словно увеличилось в размерах, и коротенький путь между столиками превратился в бесконечный коридор. Где-то вдалеке, на другом конце его, поднялся со своего места фрилансер, шатаясь, пошел к выходу. Упала на пол и принялась биться об него головой несчастная Марина. Старшов... Митя всмотрелся в Старшова и поразился тому, как изменился этот человек: лицо осунулось, сморщилось, как у старого алкоголика. Он поплелся к выходу, оставив лежащую Марину.

Настеньки не было. Она исчезла, испарилась. И катер больше не говорил ее голосом. Все теперь было ясно — совсем как тогда, после шторма.

Митя понял, что не сможет идти, и пополз к выходу — на четвереньках. Слева и справа высились столики, пустые кресла... Он чувствовал, как силы покидают его — с каждым новым метром. «Я должен дойти до улицы», — заклинал он себя. Так он называл открытую палубу, ставшую теперь предметом всех мечтаний, концентрацией всех усилий... «Увидеть берег. Увидеть берег...»

— Куда все расходятся? — донеслись до него причитания Анны-Марии. — Сделайте мне кто-нибудь массаж, пока есть время! Ну, разве ж никто не умеет? А, чего от вас ждать...

Прошло минут десять–пятнадцать... а может быть, столько же лет. Митя выполз, открыв лбом двери. Митя увидел солнце и ощутил тепло.

Он отдышался. Вдалеке сидели Старшов и фрилансер — каждый за своим столиком, уныло глядя перед собой. Подул легкий ветерок, и он трепал их седые, полностью белые волосы. Их лица казались высеченными из камня, как у истуканов на острове Пасхи. «Они уже ничего не скажут», — подумал Туркин. Но и сам он, как ни силился, больше не мог ничего сказать.

А сказать ему было что: он умирал. Он чувствовал, как ноет нещадно сердце, как перекидывается боль от него ко всем окраинам организма, зажигая все новые очаги, превращая пожар в агонию. Конечности с трудом слушались, зубы сжались, зрение ухудшалось, и сил оставалось только на то, чтобы рух-

нуть, ударившись головой о металлический пол катера. «Как же так? — спрашивал он самого себя. — Как же так получается? Они умерли, но... они будут жить. А я выжил — но умираю».

Он схватился цепкой рукой за металлическое сиденье у ближайшего к нему столика, подтянулся, расходуя последние силы, и встал сначала на колени. Затем медленно принялся перебираться на сиденье и, поняв, что получилось наконец, чуть улыбнулся уголками губ. Перед ним стоял чайник — обычный электрический чайник. В нем бурлила, закипая, вода, поднимался клубами пар. Откуда он здесь? Зачем? Туркин мог бы поклясться, что никакого чайника раньше не было, — сколько раз он бродил по палубе!

«Вот сейчас он закипит и...» — внезапно понял Туркин, а потом ему все стало безразлично. Все потеряло значение и смысл, кроме одного — он смог все-таки сделать то, чего так хотел. То, ради чего дополз, ради чего остался жить еще на совершенно бесполезную для вечности пару минут.

Он увидел берег — тот был совсем уже близко, и можно было рассмотреть в деталях все, что там происходило. У самой воды стоял поезд. Возле поезда бегали люди. Поезд горел, охваченный пламенем.

Завыла сирена. Чайник на столике Туркина закипел и, выключаясь, громко щелкнул.

***

— И тогда вы отлетели и ударились... Мы вынесли и положили вас сюда.

Зрение возвращалось, пусть и фрагментами, размытыми картинками, но Митя Туркин уже понял, что перед ним проводник... Впрочем, нет — человек в похожей форме, но не проводник.

— Я менеджер вагона-ресторана, — произнес человек в форме, словно услышав Митины мысли. — Вы не переживайте, мы тут все, конечно... Но теперь все хорошо.

Митя простонал. Он вспомнил про вагон-ресторан... там была еще Анна-Мария, и он зачем-то пришел туда... Но теперь он был вовсе не в вагоне-ресторане. Он сидел на земле возле воды, прислонившись к дереву. Стояла глубокая ночь, и небо над головой было сплошь усеяно яркими звездами. Но было очень жарко, невыносимо жарко.

— Мы очень рады, что у вас все хорошо. Мы очень волновались, — улыбнулся человек в форме, очевидно, не зная, что делать дальше.

— Вы это называете хорошо? — прошептал Туркин. Очень хотелось пить.

— Поверьте, я знаю, что говорю, — ответил человек. — Нам повезло. Вагон-ресторан пострадал меньше других. Он только улетел в откос и перевернулся, но больше ничего не случилось... Повезло, — повторил он.

Туркин попытался повернуть голову, и шея отозвалась нестерпимой болью. Он выругался.

— Я помогу вам встать, — заботливо сказал человек. — С вами была коллега, мы говорили с ней. Она очнулась раньше вас. Но мы не знаем, где она теперь.

Митя посмотрел на человека отрешенным взглядом, затем побрел в сторону. Только сейчас он начал понимать, что произошло. Два вагона лежали на боку — в ближайшем он узнал ресторан. Еще несколько стояли на рельсах, из них высыпали люди. Они вели себя по-разному: одни молча курили, сидя на земле, другие бегали, суетились, звонили куда-то... Но самое страшное случилось в другом конце состава: там был настоящий пожар, пламя взвивалось к небу, и до Мити Туркина доносились крики и стоны людей. Над головой раздался шум, и Митя, преодолевая боль, посмотрел вверх и увидел вертолеты.

Один вагон стоял отдельно, ближе всех к воде, — похоже, он пострадал сильнее остальных. Да, он именно стоял, а не лежал, как ресторан, но было видно, что перед тем, как остановиться возле воды, вагон перевернулся в воз-

духе — и возможно, что не один раз. На покосившихся, частично обрушенных столбах болтались порванные провода.

Туркин сразу же понял, что это за вагон. Все верно: после ресторана еще один, плацкартный... Затем цепь вагонов разрывалась, а те, что стояли дальше, были вовсю объаты пламенем. Их поливали водой с вертолетов и нескольких подъехавших машин. А возле этого вагона — тишина. Возле него никого нет. Только Митя.

— Без паники! — доносилось до него то и дело. — Пожалуйста, без паники!

Странно, но окна в вагоне остались целыми. Он не стал заглядывать в них, а осторожно, чертыхаясь от боли, поднялся по ступенькам тамбура и заглянул внутрь. В вагоне было темней, чем снаружи, ведь здесь даже не было звезд. Митя покопался в кармане и достал телефон, включил фонарик. Осветив, ужаснулся: вагон был совершенно пуст. Но нет, это не была пустота обычного купейного вагона, покинутого пассажирами, — ведь не было не только пассажиров, не было ничего — внутри каркаса. И только вдали напротив Митя увидел стену, какой никак не могло быть в обычном вагоне. Он всмотрелся и узнал в ней остатки перегородок купе, полок, чемоданов — они были спрессованы в единую плотную массу, заполнившую пространство от пола до самой крыши, и что-то в ней было еще... Осознав наконец, что это, Митя резко, не раздумывая, спрыгнул и упал, больно ударившись о землю, прямо под ноги какому-то человеку. Тот говорил — отчетливо и громко, но говорил не с Митей.

— Фрагменты тел вперемешку с вагоном... Вы поймите, там вся внутренняя часть, ну, назовем это «начинкой» вагона, от удара съехала вперед... Пассажиры других вагонов? Они не сразу поняли, говорят только, что видели вспышку в окне. Вспышка была оттого, что этот вагон, взлетев вверх, оборвал провода и срубил столбы. Хотя сам подрыв — он был не здесь, а где-то дальше. Там восемь вагонов всего, их вон сейчас тушат...

— Спасибо вам, — Митя услышал еще один голос, женский, и понял, что этот голос ему хорошо знаком. Говоривший человек отошел, и Митя увидел Анну-Марию. Та стояла с диктофоном в руках. Она помогла ему подняться.

— Это был наш? — тупо спросил Туркин, уже понимая ответ.

— Подрыв, — сказала Анна-Мария, словно не заметив вопроса. — Вагон оторвался от состава, поднялся над рельсами и столкнулся аж с тремя бетонными опорами. Так они говорят... А затем вот оказался уже тут, возле воды...

Митя молчал.

— Но самое удивительное знаете что... — продолжила журналистка после некоторой паузы. — Я оказалась здесь не сразу. Я как будто попала совершенно в другое место и провела там... и провела там не знаю сколько, но очень много времени. По крайней мере, мне так показалось. Вы не поверите, Митя, но я вам скажу. Я оказалась в пустыне.

— В пустыне? — переспросил Туркин. — Разве...

— Это был невообразимый кошмар, Митенька. Невообразимый... Я еле вырвалась из этой пустыни, чуть не сдохла от жажды. А вот остальные все сдохли, — сказала она удовлетворенно. — Да, мы были там все. И все, представляете, сдохли. Кроме вас, Митя.

— Вот оно как, — протянул Митя. — И в пустыне Воючке мы остались живы вдвоем...

— И тут... оказалось, тоже, — добавила Анна-Мария.

Туркин задумался.

— Так у вас была пустыня? — сказал он с сожалением. — Что же вы так, Анна-Мария! Два имени, две фамилии! А какая-то пустыня...

— А у вас-то что, море, что ли? — насмешливо спросила журналистка.

Митя всмотрелся вдаль, где суетились спасатели, разрезая металлические стены тех вагонов, в которых удалось сбить пламя. И бегали пассажиры, причитая и пытаясь помочь тем, кому еще могла понадобиться помощь.

— Море, — вздохнул он, — море.

— Ну так чего стоите? — бодро сказала Анна-Мария, выйдя из оцепенения. — Других журналистов здесь нет. Работаем! Я уже связалась со своей редакцией. Поторопитесь, если не хотите запороть эксклюзив...

Но Туркин лишь махнул рукой.

— Работайте, Анна Мария, работайте. Может, третью фамилию себе наработаете. Анна-Мария Малышева-Елизарова-Воючкина! А? Каково вам?

Она взглянула на него с неприязнью, а затем побежала к спасателям.

Митя развернулся и неспешно пошел к воде. Присел, опустил в нее руки и посмотрел на звездное небо. Перевел взгляд вниз, на гладкую зеркальную поверхность моря. Здесь, у берега, оно было такое спокойное, такое неокрепшее. Еще недавно, совсем бесполезное для вечности время назад, в нем отражался пылающий поезд. И, может быть, даже были видны души, взмывающие к небу, как воздушные фонарики. Марины, Старшова, этого, пьяного... Как его там звали? И Настеньки, доброй и глупой Настеньки.

Ну а теперь в ней отражались только звезды, но сама вода — она была все та же. Такая же гладкая, такая же холодная.

Живая.